

Единственная

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рина Дейн

Рина Дейн

Единственная

<https://litres.ru/74093973>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алина Лисина всегда была уверена лишь в двух вещах. Во-первых, она навсегда останется фанаткой британской группы "One Direction". А во-вторых, она рано или поздно станет девушкой друга своего старшего брата. Алина влюблена в него с детства, и эта любовь навсегда.

Максим Рудских всегда был уверен лишь в двух вещах. Во-первых, первой любви не существует. А во-вторых, он никогда не испытает к Алине никаких романтических чувств.

Он ошибался.

Содержание

Плейлист	4
Пролог	6
Первая глава	10
Вторая глава	20
Третья глава	35
Четвертая глава	45
Пятая глава	52
Шестая глава	59
Седьмая глава	71
Восьмая глава	80
Девятая глава	86
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Рина Дейн

Единственная

Плейлист

ALLERGIA — Руль

Harry Styles — Sign Of The Times

Henry Morris — Honey Baby

J. N. S. — Влюбился в твою красоту

МакСим — Трудный возраст

Marius Nedelcu, Giulia Marius — Rain

MATRANG — Заманчивая

MBAND — Помедленнее

One Direction — Forever Young

One Direction — Never Enough

One Direction — Perfect

One Direction — Stole my heart

One Direction — What makes you beautiful

Андрей Леницкий, Nebezao — Танцую один

Вера Брежнева — Мамочка

Иван Рейс, Stinie Whizz — Красками

Феодор — Белая полоса

Информация о книге

«Единственная» — финальная книга цикла, в который входят «Слабости», «Неправильная» и другие. Раннее неопубликованные истории будут в ближайшее время переписаны и представлены вам. Вы сможете познакомиться с Матвеем и Кариной, которые в этой книге сыграли немаловажную роль, и с головой окунуться в атмосферу летней Прохоровки.

Действия развиваются в самом обычном городе где-то на юге и продолжаются в обычной деревушке, в которой многие из нас проводили детство у бабушки.

«Единственная» — это история о том, как подростковая любовь, ставшая первой, может стать последней; о том, что никогда не стоит опускать руки, нужно верить и знать, что твое никогда от тебя не уйдет; о жарком лете и капле чуда.

Больше информации об этой книге и других, героях и творческих планах автора, а также о многом другом можно найти в тг: Рина Дейн и ее слабости (<https://t.me/rinadain>).

Пролог

Наше время

Я его ненавижу.

— Кого ты ненавидишь? — голос Артура звучит немного громче, чем обычно.

Мы сидим на террасе кафе, которое открылось всего пару недель назад. Людей тут все так же много, в основном малолеток, которые спешат сделать эстетичные фотки и выставить их на свои не менее эстетичные странички. И плевать, что в жизни в основном каждая из них не пьет по утрам просекко, не обедает в лучших ресторанах города и не получает в подарок букет из ста и одной розы. Потому что это жизнь. И сказочного в ней мало.

— Так, кого ты ненавидишь, Линчик? — моего терпения едва хватает, чтобы не закатить глаза. Я терпеть не могу, когда Артур меня так называет. А за все наши два месяца и четыре дня отношений он сказал это противное «Линчик» как минимум пару-тройку тысяч раз.

Нет, Артур не глупый. Он умный парень, учится на выпускном курсе и планирует поступать в магистратуру. Хочет пройти практику в городской прокуратуре, но, зная моего отца, у него ничего не выйдет. Так вышло, что папа слишком щепетильно подбирает себе практикантов, и Артур точно не попадает в их число. Да, для справки — мой папа областной

прокурор, но я стараюсь об этом не распространяться.

— Морозова.

— А... препода по праву? Да, тот еще гад! — Артур кивает и тянется ко мне, чтобы поцеловать в щеку. Сама же я стараюсь не смотреть на противоположный столик, чтобы не видеть его. Эту блондинистую макушку, спину, обтянутую белой футболкой. К моему счастью, Макс сидит ко мне спиной, и я вижу только его подружку — Марину, красивую девочку, его ровесницу.

Он всегда любил ровесниц.

—... и ты представляешь, в каком я шоке был, когда этот debil сдал, а я нет? — Артур что-то увлеченно рассказывает, а моих сил хватает только на то, чтобы кивать и медленно помешивать трубочкой свой бамбл с вишневым соком без карамельного сиропа, но с тройной порцией эспрессо. Я отпила всего ничего, а после, когда в радиусе моей досягаемости появился Макс Рудских, то аппетит пропал. Так было всегда, стоило ему оказаться рядом.

Мы не виделись с ним больше года. В тот день он напился и приехал ко мне, он всегда приезжал только ко мне. А потом, после совместно проведенной ночи, я проснулась одна. И записка «Прости, больше такого не повторится» никак не скрасила мое и без того отвратительное утро. В тот раз Макс сказал правду, такого больше не повторилось. Он продал ту самую машину, пересел на мотоцикл. Черный. Хонда. Никогда не следила за Максом, но, как и любая девочка, я порой

захожу на страничку своего любимого мальчика и вижу, что в его жизни изменилось. И год назад в его жизни появилась новенькая Хонда. А в прошлом месяце — Марина. Девушка, которая прямо сейчас ему что-то рассказывает и смеется так, словно участвует в кастинге на «Камеди».

— Я пойду домой. Устала. — Поднимаюсь из-за стола за пару секунд до того, как Артур спешит меня поцеловать. Он старается, правда старается быть хорошим и понравиться мне, но все же он не Максим. Тому и стараться никогда не приходилось. Я всегда оказывалась рядом, стоило ему просто на меня посмотреть. Мы понимали друг друга без слов, тянулись, как два магнита, две недостающие детали. — Я тебе напишу.

Но мы оба знаем, что я не напишу.

Вообще не помню, как мы начали с ним встречаться. Пару встреч вне стен универа было достаточно, чтобы Артур сам стал мне звонить, назначать свидания, дарить подарки и подвозить до дома после занятий.

Снимаю сумочку со спинки стула, вешаю её на плечо и, так и не поцеловав *своего* парня на прощание, ухожу. Летние босоножки на небольшом каблучке ритмично цокают, привлекая намного больше внимания, чем я хотела бы. Чувствую спиной чей-то взгляд и оборачиваюсь, чтобы улыбнуться Артуру, ведь, я уверена, смотрит именно он. Но это вовсе не он. Артур уже что-то рассматривает в телефоне, а я встречаюсь взглядом с Максом. И сейчас его голубые глаза

не улыбаются, они внимательно изучают меня, мое васильковое платье в мелкий белый цветок, мои короткие волосы и новую татуировку, пленку с которой я еще не снимала. Он подмечает все, и только после этого губы растягиваются в улыбке. Так обычно улыбаются старым знакомым, но мы ведь не можем друг друга так называть.

Разве старые знакомые представляют друг друга, когда засыпают?

Он кивает мне в качестве приветствия, а я молча отворачиваюсь и ухожу.

В голове вспыхивают неоновые картинки, наши с ним воспоминания, которые я хочу стереть из своей памяти и одновременно боюсь того, что все забуду. Всего одного взгляда хватило, чтобы по телу пробежала теплая дрожь, внизу живота завязался тугий узел, а из груди вырвался тихий вздох.

Всего одного взгляда. Что же будет со мной, когда этот мерзавец снова меня коснется?

Я его ненавижу.

Первая глава

Лето 2016 года

Он приехал.

Это единственное, что меня сейчас волнует. Пока брат с друзьями плещется в бассейне и обсуждает предстоящий вечер, я сижу у кухонного окна и подслушиваю. Спряталась за мамиными геранями и стараюсь не пропустить ни словечка. Мне не очень интересно знать про отношения брата и Карины, как и не интересно знать про то, в кого влюблен его друг Максим Яровой и когда он уже решится позвать незнакомую мне девчонку на свидание. Мне намного важнее знать все о другом Максе. Рудских.

— Баб Аня говорит, Макс вчера приехал. Снова один и на все-е лето.

Матвей сидит на бортике бассейна, качает ногами в воде. Его голова запрокинута назад, и жаркие солнечные лучи обжигают кожу, слепят глаза. Брат шурится и медленно кивает в такт музыке. Яровой валяется на надувном розовом фламинго и медленно пьет гранатовый сок через трубочку. Мой гранатовый сок, который я припрятала для себя в холодильнике. Но он и там его нашел! Порой мне кажется, что эти двое были рождены лишь для того, чтобы обчищать холодильник и находить все то, что я старательно скрываю от них.

— Тогда вечером — за ним и гулять?

— Да, — кивает Матвей. Я поддаюсь немного вперед, чтобы услышать больше, потому что брат начинает что-то шептать или говорить так тихо, что слов не разобрать. Но мне нужно узнать, где они встретятся и куда пойдут.

Горшок с цветами предательски качается и выпадает из окна. Керамика разбивается, земля рассыпается, да и цветок вряд ли подлежит восстановлению. На грохот прибегает мой брат, задирает голову и смотрит на меня, нахмурив свои темные и густые брови.

— Опять подслушивала?

— Нет, — нагло вру. К моменту, как он пришел ко мне, успеваю перебежать к плите. Только ставлю греться чайник и встаю в позу «я тут всегда так стояла». — А вы говорили о чем-то таком, о чем нужно подслушивать?

— Не юли, Алина, — качает головой брат и скрывается из моего поля зрения. Он убирает землю и остатки цветка с горшком, вымазывается, но не просит меня выйти и помочь. Даже не отчитывает! Значит, точно понял, что я подслушивала и ждет, когда я сознаюсь во всем сама. Но я не собираюсь признаваться в своей маленькой слабости.

Чайник я выключаю и убегаю к себе в комнату. Там, за широкой дубовой дверью с плакатами моих любимых мальчиков, я могу позволить себе хоть немного побыть одной и собраться с мыслями. Макс здесь, он снова приехал, как и обещал в прошлом году. Правда, тогда это он обещал не

мне, а Матвею, но мне нравится думать, что хоть один раз он приезжал из-за меня. Иначе зачем все это? Я влюблена в друга своего старшего брата, которого вижу лишь один раз в год, и вероятность того, что и он влюблен в меня в ответ такая же минимальная, как и возможность воссоединения One Direction. Я ни разу не была на их концерте, но смотрела все трансляции из тех, которые публиковали в сети. На полках красуются их виниловые пластинки, духи, ставшие неотъемлемой частью моей жизни, а на стенах — постеры всей группы или лишь двоих ее участников, Гарри и Найла. Каюсь, они всегда были моими любимчиками. Но Найл — в большей степени.

Падаю на кровать и долгое время валяюсь на спине, пялясь в потолок. В голове вспыхивают воспоминания из прошлого лета, большую половину которого я проболела. Так же валялась в комнате, только была измазана зеленкой и вся чесалась. Ветрянка никого не жалела. Брат таскал мне сладости, подсовывал их под дверь, потому что мама строго-настрого запрещала ему со мной общаться. Но он прокрадывался в мою комнату по вечерам. Сидел у кровати, пока я лежала, и рассказывал мне все-все. То лето было безмятежным и моим самым нелюбимым, ведь Макс встречался с Дашей Сахно, они даже целовались! Я видела фотографии в ВКонтакте, их совместные видео и тихо плакала. Потому что мне было двенадцать, а ему шестнадцать и он мог целовать кого угодно, но не меня.

Сейчас мне тринадцать, а ему уже семнадцать. И я снова не вхожу в список тех, кого может целовать Макс Рудских.

— Алина, ты мне собираешься помогать или нет? — в дверь стучит мама. Быстро смаргиваю и вытираю ладонями слезы, которые не помню, как вообще появились. Я снова расплакалась из-за него. Поднимаюсь и сажусь на кровать в тот самый момент, когда в комнату заходит мама, в простом платье в мелкий горошек, с шелковым платочком на голове, края которого завязаны в аккуратный бантик. В руках она держит бутылку воды с кусочками льда. Смотрит на меня внимательно, от глаз не укрывается то, что я плакала, но, надо отдать ей должное, вопросов лишних она не задает. Я все спихиваю на переходный возраст, а мама соглашается. Что до папы, то у него и без моих слез от неразделенной любви дел хватает.

— Сейчас иду.

— Хорошо. Твой брат сегодня помог мне в теплицах, потому ты едешь со мной на рынок. Хочу купить еще немного рассады.

Цветов. Моя мама никогда не выращивала ничего, кроме цветов. Только они. Не дом, а одна большая оранжерея.

— Хорошо, мам.

— Давай переодевайся и поедем!

Окидываю себя взглядом и морщу носик. Да, в пижаме я далеко не уеду. Но и наряжаться не спешу. Переодеваюсь в нежно-оранжевый сарафан с широкой юбкой и тонкими

лямками, густые темные волосы убираю назад и перевязываю их однотонной ленточкой. Выхожу из комнаты и спускаюсь вниз, где уже ждет меня мама. Только сейчас у нее на плече висит белая сумочка, глаза спрятаны за солнцезащитными очками, а на смену аккуратным гвоздикам в ушах приходят большие серебряные кольца. Моя мама любит наряжаться, пусть даже ей предстоит обычная покупка цветов на центральном рынке.

На самом деле сейчас мне ехать никуда не хочется, мне бы остаться дома, закрыть глаза и под песни любимой группы представлять наше свидание с Максимом. Эх, родился я на пару лет раньше, все ведь могло быть иначе!

Но мне тринадцать. Всего лишь тринадцать. Тот самый возраст, когда хочется так много успеть и многое попробовать, но для всех ты еще просто ребенок.

Вот моя мама младше папы на пять лет, я считала. Но у них все хорошо. Любовь, гармония и двое прекрасных детей. А у нас с Максом ни любви, ни гармонии, да и дети вряд ли будут. Он ведь успеет жениться раньше, чем мне исполнится восемнадцать!

— Ты такая грустная сегодня, цветочек. Может, пройдемся по магазинам? Погода прекрасная. Купим что-нибудь? — предлагает мама, когда мы обе выходим на улицу. Я слышу, как у бассейна веселится брат с друзьями. Сейчас их, кажется, стало еще больше. На пару человек точно.

— Не хочу.

— Странно. Ни одна девочка никогда не откажется от похода по магазинам. — Мама садится на водительское сидение, заводит машину и включает кондиционер. Я сажусь рядом и сразу же пристегиваюсь. Кожаный салон нагрелся, все тело мгновенно покрывается испариной, и нас спасает только прохладный воздух, который постепенно заполняет весь салон. — Но мы все равно пройдемся! Просто развеяться нам не помешает!

— Хорошо, мам, — к своим годам я поняла одно правило — с моей мамой проще согласиться, чем спорить. Нет еще такого спора, в котором бы она осталась проигравшей.

Мама тихо включает музыку, играет что-то из ее молодости. Она так же тихо похлопывает пальцами по рулю, выезжая со двора и аккуратно двигаясь в сторону центрального рынка. Сама я смотрю в окно и слегка щурюсь от ярких солнечных лучей.

Учебный год позади, большая часть моих друзей уехала в лагерь, остальные отсыплются, и пока видеться с ними я не хочу. Я и сама хочу отдохнуть от школьной суеты, но пока не получается. На море мы поедем только в следующем месяце, а потом я пару недель проведу у баб Шуры в городе. Родители папы ждут нас, но в этом году приеду только я, Матвей провел у них в городе все весенние каникулы, а я в это время была дома. Постукиваю пальцами по оголенной коленке в такт музыке, не разбирая слов. Я не вслушиваюсь, что и о чем там поют.

Мы проезжаем улицы и переулки, пару раз тормозим на светофорах, но быстро добираемся до центрального рынка. Тут торговля в самом разгаре. Мама только поправляет помаду на губах, улыбается мне, и мы вдвоем выходим из машины. Проходим между прилавками, я лишь осматриваюсь по сторонам, пока мама разговаривает с продавцами и узнает больше о цветах, которые хочет купить.

— Я пройдуся, — говорю тихо маме и иду в сторону от нее. Туда, где раскинулось целое поле разноцветных растений.

Веселый продавец, мужчина средних лет с забавными усиками и бородкой, рассказывает о саженцах, подает нужные и убирает вырученные деньги в карман фартука. Я останавливаюсь у георгин. Тут их такое разнообразие, что голова немного кружится от смеси ароматов. Смотрю на густые бутоны и на парочку пчел, перелетающих с лепестка на лепесток.

— Ба, может не стоит так много всего набирать? — до меня доносятся обрывки чужих разговоров, чьим свидетелем я становлюсь только из-за того, что подхожу слишком близко.

— Стоит! Мне коза половину палисадника выела, теперь надо возмещать. Сейчас земля прогрелась, все посадим, ты польешь, и красота будет! — оборачиваюсь и вижу в метре от себя баб Аню, старательно выбирающую себе цветы. А позади нее, держа тяжелые сумки, стоит он. Максим. Он видит меня сразу и улыбается. Волосы у него чуть короче, чем я

помню. На переднем зубе небольшой скол, а на щеках все те же ямочки, которые я могу трогать только через экран телефона.

— Привет, Персик, — улыбается он шире, осмотрев меня и подмигнув. Мои щеки мгновенно заливаются румянцем, а улыбка сама по себе появляется. Прячу руки за спину, ведь понятия не имею, куда их деть, и смотрю на парня, который на две головы выше меня и старше на проклятых четыре года.

— Почему это Персик? — несмотря на улыбку и мгновенное хорошее настроение, не могу удержаться от вопроса. Заставляю себя вспоминать прошлогодние фотографии его и Дашки Сахно, их недолговечные отношения. Его фотографии из города с одноклассницами, друзьями и все то, что хоть как-то может привести в порядок мое влюбленное сердце. Но ничего не получается. Оно бьется лишь быстрее, оказавшись так близко с тем, кого любит.

— Потому что. — Пожимает плечами и взгляд переводит куда-то позади меня. — Здравствуйте, тетя Оль.

— Здравствуй, Максим. Баб Ань, вот не ожидала вас тут увидеть!

— Ой, Олечка, мы как-то спохватились неожиданно. Дереза все выела, отвязалась и пошла пастись по моим грядкам. Так что у нас сегодня с Максимкой крупная посадка.

Пока мама разговаривает с баб Аней, советуется и обсуждает какие-то цветы, я взгляд перевожу на георгины перед

собой. Белые, красные, желтые и... персиковые. Вижу нежные лепестки, на которых кружится пчелка с целыми лапками ярко-желтой пыльцы. Взгляд сам цепляется за цветок. Смотря на него, я вспоминаю слова Максима, и улыбка снова расцветает сама собой.

— Идеально тебе подходит, Персик, — слышу у уха тихий, едва слышный шепот. Ощущаю тепло тела позади себя, горячее дыхание, смешанное с вишневой жвачкой. Легкий аромат с переплетением базовых древесных и мускатных нот. Именно так пахнет Максим Рудских, сколько я его знаю.

Оборачиваюсь и задираю голову, чтобы рассмотреть парня во всей красе. Он все так же держит сумки, тяжелые, как я могу судить, но по его лицу не скажешь этого. Максим смотрит на меня сверху вниз и улыбается, я снова вижу небольшой скол на переднем зубе и гадаю, откуда он появился, ведь прошлым летом его не было.

Мы смотрим друг другу в глаза, и мне кажется, что в этот момент между нами нет этой разницы в росте, в возрасте и нет рядом никого, что мы одни в этом цветочном балагане.

— Максимка, идем! Нам пора! — оклик баб Ани рушит все, потому что Максим еще раз улыбается мне, прощается с моей мамой и уходит. Он исчезает так же быстро, как и появился, но его запах все еще приятно щекочет мне нос.

— Хороший мальчик.

Я ничего не говорю, потому что считаю его не просто хорошим, а самым лучшим. Но, как говорят психологи и жур-

налы, это подростковое и скоро пройдет. Но, мне кажется, моя любовь к Рудских не пройдет никогда.

Мама набирает с десятков всевозможных цветов, расплачивается за них, и мы уже собираемся уходить, как я подаю голос:

— Мам, купи их, — взглядом указываю на те персиковые георгины, на которые смотрела все это время. Только смотря на них, я понимаю, что наша сегодняшняя встреча с Максимом не была придумана мной, что все было реальным. Они свидетели того, что я ничего не нафантазировала себе, как обычно.

— Георгины? Они тебе никогда не нравились.

— А эти нравятся, — пожимаю плечами, и взгляд перевожу на маму. Она смотрит на меня пару секунд, будто что-то обдумывая, а после кивает. Уже через минуту я несу охапку георгин к нашей машине, прячу глупую улыбку в крупных цветах и маленьких, которые еще не успели раскрыться, но, посадив их в грунт, как заверил продавец, они раскроются еще больше нынешних. Вдыхаю запах, который мне кажется таким сладким и приятным, и шагаю следом за мамой.

Возможно, это лето станет хоть немного лучше предыдущего. Во всяком случае, в этом году Максим заметил меня и назвал так, как не называл никогда.

Персик.

Вторая глава

Наше время

Солнце слепит глаза, даже солнцезащитные очки не помогают. Останавливаюсь по середине проспекта так, что людям приходится обходить меня стороной. Пару раз слышу в свой адрес неприятные слова, но мне плевать. Я передумала. Домой возвращаться совершенно не хочется, как и идти на свидание. Согласилась на него по глупости. Мне действительно понравился тот парень с параллели, Артур, кажется. Понравилась его улыбка, смех и взгляд, как он целовал меня и желал спокойной ночи, провожая домой. Но сейчас я больше не хочу встречаться с ним и как-то развивать наше общение дальше.

Все изменилось в секунду. Вот я хотела быть рядом с тем блондином, а теперь не хочу. Ничего больше не хочу. Артур — неплохой парень, в меру умный, щедрый, а еще, кажется, он без ума от меня, потому что дальше поцелуев у нас дело не движется, но это не мешает ему осыпать меня цветами, конфетами и подарками. Этих плюшевых гигантов уже некуда ставить в квартире: забиты все полки и подоконники, это при условии, что часть я отдала подружками, что-то — внучке соседки.

Нет, не хочу сегодня идти ни на какое свидание.

Стою на проспекте еще немного, лучи солнца играют с

моими волосами. В наушниках одна песня сменяет другую, но настроение мое неизменно. Разворачиваюсь на каблуках новеньких босоножек и иду в противоположную сторону. В этом городе не так много людей, к которым я могу вломиться вот так вот домой в любой момент. Но такие люди есть — мой брат и его жена Карина, несколько подруг с потока и Маша Шейкина. Сейчас я иду к Карине и Матвею. Брат, насколько я помню, должен вернуться домой не раньше вечера, так что просто поболтаю с Кравцовой. Ее я знаю очень давно, в какой-то момент я уже и забыла, что Матвей когда-то был один. Эти двое идеально подходят друг другу. Я завидую брату, по-хорошему завидую. Он такой счастливый засранец и нашел любовь всей своей жизни.

Я бы тоже была счастлива, если бы...

Встряхиваю головой и иду дальше по улице, сворачиваю в парк, чтобы немного срезать дорогу. Сейчас он заполнен молодежью и молодыми мамами с колясками. Кто-то сидит на лавочках и болтает, другие фотографируются у фонтана. Вижу там неподалеку несколько бабушек с цветочными корзинками, и ноги меня сами несут к ним. Останавливаюсь и, убрав один наушник, рассматриваю цветы. Из всего, что я вижу, меня цепляют только ромашки. Достаю из сумочки пяти тысячную купюру и протягиваю её удивленной женщине в ярко-красном платке.

— Я заберу все, — киваю в сторону цветов, когда она протягивает мне маленький букетик и тянется дать сдачу. Знаю,

что дала ей много, даже если я хочу купить все цветы. Получив свою охапку ромашек, улыбаюсь и желаю хорошего дня. Цветы я себе не оставляю, подарю Карине. Она любит ромашки, даже похожа на них своей россыпью веснушек на светлой коже.

Я хотела, чтобы мне стало лучше после этой импульсивной покупки, но лучше не становится. Внутри разрастается дыра от моих душевных метаний и с каждой секундой становится лишь больше и больше. Приходится музыку включать громче, улыбаться шире, чтобы не показывать боль остальным.

Вдалеке слышу рев мотоцикла и снова замираю, поворачиваю голову и вижу черный мотоцикл. На нем сидит парень в темных джинсах и белой футболке, которая колышется от порывов ветра. На парне — шлем, и я не могу увидеть лица, но замечаю, что на запястье блестят браслеты, а на плече тянется татуировка. Сердце пропускает несколько ударов. Одна песня сменяет другую, и в этот момент я едва могу дышать.

На последнем фото Макса я видела на его руках пленку, какую наклеивают сразу после тату. Видела серебряные браслеты и часы, с которыми он не расстанется последние несколько лет.

Я хочу, чтобы это был он. И это, скорее всего, он. Я уже видела его в городе, но Рудских должен быть в Сочи, отдыхать на побережье, плавать в горячем море и собирать на себе

влюбленные взгляды туристок. Потом, если я правильно все поняла, он хотел поехать в Абхазию, а оттуда в Ростов к другу. В Ростов же и переехала сестра Карины, так что, к какому именно другу поедет Макс, мне было догадаться нетрудно. Но этот парень на мотоцикле так похож на Рудских, что мне становится не по себе. Я теряюсь, утыкаюсь лицом в букет ромашек. А что, если я снова увижу его в городе? Что скажу? И, главное, захочет ли он говорить со мной? Может, сделает вид, что мы незнакомцы?

Незнакомцы не знают друг о друге то, что знаем мы.

Снова встряхиваю головой и иду дальше. Покупаю в ларьке бутылку ледяной газировки, другой рукой держу охапку цветов. Их приятный аромат щекочет кончик носа. Иду все дальше и дальше, петляю между дворами, пока не нахожу нужную многоэтажку. Новенькую. Ее построили около двух лет назад, тогда же Матвей сюда съехал, а потом и Карина. У них трешка на девятом этаже с лоджией и отличным ремонтом, которым занималась сама Кравцова, а я помогала. Мне тогда нужно было отвлечься. И сейчас мне снова нужно отвлечься. Как и в прошлый раз, причина всех моих метаний одна, и имя ей — Максим Рудских.

Он продолжает нервировать меня, даже находясь в сотнях километров от меня. Наверняка, ему там икается от всего того, что я о нем думаю.

— Чай или кофе? — Карина суетится у плиты, пока я ставлю на небольшой деревянный столик вазу с ромашками.

Мне нравится атмосфера в их квартире: минимум мебели и ненужных вещей, максимум света и пространства. Сажусь на диван и ставлю на колени мягкую розовую подушку, обнимаю её и жду, когда ко мне присоединится Карина. Мы решили пересмотреть с ней «Эмили в Париже», потому что ничто мне сейчас не нужно так сильно, как виды этого прекрасного города и легкий юмор. Во Франции я была один раз, мне тогда было лет пятнадцать, и я ездила с родителями. С первого взгляда влюбилась в город, в его архитектуру. И даже невзрачные переулки и заброшенные районы меня в этом не переубедили.

— Чай. Только холодный, — прошу я. Карина ставит передо мной кувшин с кубиками льда и зеленым чаем, две кружки, а потом уходит, чтобы вернуться с десертом. В последнее время Кравцова увлеклась выпечкой, только это хобби ей никак не помогает набрать пару-тройку лишних килограммов. Со мной же намного иначе. Стоит мне только подумать о вкусном и аппетитном кусочке пирога, как на весах прибавляется полкило.

— Ну, рассказывай, Алина.

Отвлекаюсь от вопроса и широко улыбаюсь, увидев Котенка — этому пушистику уже года четыре, но у него все еще нет «взрослого» имени. Карина и Матвей взяли его себе, когда съехались впервые, они тогда еще жили на съемной квартире и оба учились. В прошлом году Карина закончила учебу, а Матвей работает вместе с отцом и зарабатывает

практику.

Котенок запрыгивает на диван и укладывается рядом со мной, переворачивается на спину и сладко потягивается, так и соблазняя почесать ему пузико.

— Что рассказывать? — хмурюсь, пока Карина усаживается в кресло напротив меня. Она сейчас такая домашняя. Полностью перекрасилась в медный, отказалась от косметики, если не считать увлажняющего крема. Сидит сейчас передо мной в летнем сарафане в мелкий горошек и выглядит школьницей на каникулах. Но милой школьницей с веснушками и ямочками на щеках, когда улыбается. — Что случилось? — наивно хлопаю ресницами. Карина бросает взгляд на ромашки, а после снова смотрит на меня.

— Это ты своему брату рассказывай. Он все еще уверен, что в тот раз ты действительно ночевала у подруги, — она поигрывает бровями, припоминая мне мой выпускной в школе. Ту ночь, которую я провела с Максимом. О том, что произошло тогда у реки в его машине, знает, кроме нас двоих, еще только Карина. И я уверена, что она никому не расскажет. Особенно моему брату.

— Да так. У меня сегодня свидание, а я на него не пошла, — вспоминаю, что так и не написала ничего бедному Артуру. Но мне и не хочется. Это уже моя проблема, что я передумала. И мне неважно, как он будет общаться теперь со мной. Даже если не будет, я переживу. Но, что-то мне подсказывает, что больше мы не встретимся. Наше прошлое свидание

прошло отвратительно: я сбежала от него и всю ночь думала о проклятом Максе. Я снова думаю о нем слишком много, непростительно много. Возвращаюсь в свои подростковые годы, когда часами напролет любовалась его фото, пересматривала сохраненные видео и мечтала о нашей сказке под названием «Долго и счастливо».

— Почему?

— Перехотела, — пожимаю плечами и наливаю в кружку чай. Делаю глоток и чуть морщу носик. — Ты, кажется, переборщила с мятой.

— Ничего, пей, — лишь отмахивается от меня Карина.

Вскоре она пересаживается на диван рядом со мной. Мы закрываем шторы, включаем кондиционер на полную, а затем и сериал. Не так давно эти двое купили проектор, и теперь я напрашиваюсь к ним, чтобы смотреть фильмы на диване, как в кинотеатре. Это нереально круто!

Мы пьем чай, кушаем лимонные пирожные и следим за жизнью Эмили, главной героиней сериала «Эмили в Париже», за ее отношениями и работой. Карина несколько раз отвлекается на телефон, мой же лежит на столике экраном вниз, и мне, если честно, плевать, если мне кто-то напишет. Если мне будет важно, я перезвоню или напишу сама. А так... у меня просто нет желания сейчас быть где-то в другом месте.

Слышу за окном глухой рев мотоцикла и вздрагиваю. Честное слово, у меня уже паранойя. Когда из комнаты вы-

ходит Карина, чтобы позвонить, я крадусь к окну и выглядываю на улицу. Может, мое зрение меня и подводит, но я точно вижу на парковке мотоцикл. Черный. Бросаю взгляд в сторону спальни, куда ушла Карина. Пока она не вернулась, быстро хватаю со столика телефон и навожу камеру на мотоцикл. Фотографирую его и хорошенько рассматриваю. Я не очень хорошо в них разбираюсь, но это точно Хонда. Черная Хонда. Чертова черная Хонда!

— Ты что там делаешь, а?

Оборачиваюсь и смотрю на ничего не понимающую Карину. Хмурюсь и пытаюсь придумать хоть одну адекватную причину, по которой я могу стоять у окна с телефоном в руках и хмуриться.

— Да так, услышала стук. Голубь, может, — пожимаю плечами и, заблокировав экран телефона, возвращаюсь на диван.

— Угу, голубь, — кивает Карина и присаживается рядом. Мы снова вместе смотрим сериал, только в этот раз мне кажется, что Кравцова смотрит на меня все чаще и как-то иначе. А я игнорирую ее взгляды. Старательно игнорирую и думаю о том, что таких мотоциклов, как у Макса, может быть еще у половины города.

Но сердце от этого спокойнее не бьется.

Через пару часов возвращается Матвей, и после нашего общего ужина я все же собираюсь домой.

— Давай я тебя подвезу, а? — Матвей продолжает зада-

вать мне этот вопрос снова и снова на протяжении последнего получаса, когда я засобиравалась домой. Брат никак не может отстать от меня. Для него, как и для папы, я все еще маленькая девочка, которая сама не может ничего сделать. Даже самостоятельно добраться из пункта А в пункт Б. А я могу! Порой их опека меня подбешивает, но в большинстве случаев приятно знать, что о тебе волнуются и переживают.

— Я справлюсь. Вызову такси или доберусь на трамвае, они ведь еще ходят. Или на своих двоих доберусь. Тут не так далеко ведь. — Перечисляю варианты и поднимаюсь с небольшого пуфика. Проверяю застежку на босоножках и улыбаюсь брату. — Ну же, выключай эту гиперзаботу, обнимай меня, и я пойду.

— Напиши мне, как доберешься. А лучше позвони, поняла? — вздыхает и качает головой. Обнимает меня после Карины и целует в макушку. Как бы я ни росла, я все еще достаю до подбородка брата. — Позвони мне, Алин, хорошо?

— Хорошо, я поняла.

— Не смей закатывать глаза, мелочь.

А если честно, то очень даже хотелось.

Прощаюсь с ними и закрываю за собой дверь, подхожу к лифту и меньше чем через минуту спускаюсь в нем на первый этаж. Настроение постепенно ухудшается. Мне не хочется возвращаться в свою пустую квартиру, где я снова буду слишком громко думать. *Слишком громко*. Накручивать себя, перебирать в голове моменты из прошлого и жалеть,

что тогда не поступила иначе. Решаю все же не рисковать и включаю приложение, чтобы заказать такси. В лифте интернет плохо грузит, и я оставляю это занятие. Вернусь к нему, когда окажусь на улице.

Выхожу из подъезда и мелко вздрагиваю от перепада температур: на улице духота смертная. Даже ветви ближайших деревьев не колышутся, нет ни намека на ветер. А за все лето не было ни капли дождя, и если верить синоптикам, то в ближайшее время его не дождемся.

На парковочном месте все еще стоит черная хонда. Стараюсь не смотреть на мотоцикл, пялюсь в экран телефона и ввожу адрес. Машина будет через пятнадцать минут. Этого времени достаточно, чтобы пройти пешком половину пути, но сейчас я устала и готова подождать машинку, а не топтать на своих двоих и только сильнее устать. Потом приму душ, замотаюсь в тонкие простыни и буду спать до обеда, ведь завтра никуда не надо. Включу кондиционер, закажу доставку чего-нибудь вкусного и спрячусь от всего мира. Точно! Даже с девчонками не буду встречаться. Закроюсь в четырех стенах и, может быть, даже поплачу, чтобы стало чуточку легче.

Дверь подъезда позади меня хлопает, но на это я не обращаю внимания. Нос щекочет аромат дорогих сигарет, такие курил Матвей. И еще *кое-кто*. Сейчас уже не помню, когда видела брата с сигаретой, но раньше от него пахло точно так же. Немного сладковато, в носу приятно покалывало, и я непременно чихала. Карина не пилила его, он перестал сам.

Вообще мне всегда нравились их отношения, построенные на гармонии и взаимоуважении. У каждого есть свои интересы, дела и увлечения. Они дополняют друг друга, а не высасывают энергию. Смотря на них, я понимаю, что хочу так же. Чтобы на меня тоже смотрел кто-то так, как мой брат смотрит на Карину. Он бросил когда-то курить, потому что ей не особо нравился запах табака, а она позволила ему дать имя их общему питомцу — Котенок.

Прикрываю ладонью губы и тихо чихаю.

— Твою через пятку! — тихо ругаюсь под нос.

— Будь здорова, — резко выпрямляюсь и замираю, узнавая до боли знакомый голос. Не оборачиваюсь, ведь и так понимаю, кого увижу позади себя. По спине бегут мурашки, а прикосновения теплого ветра, неизвестно откуда взявшегося, не кажутся приятными.

Уже достаточно темно, чтобы включили фонари, и я вижу тень позади себя, едва заметный клубок дыма, а после полет потухшего окурка в мусорное ведро. Стою так ровно, словно к спине приклеили линейку. Сжимаю телефон пальцами и буравлю экран взглядом.

Еще чертовых тринадцать минут.

Еще тринадцать минут, и машина приедет.

Еще тринадцать минут мне нужно побыть сильной девочкой, а поплачу я дома.

— А я все думаю, ты или не ты. Но, раз ты решила поиграть в молчанку, то точно ты, — он даже не пытается скрыть

насмешку в голосе! Спустя пару секунд и ровно три ступеньки, Макс ровняется со мной, но все еще кажется выше.

Это потому, что он выше тебя, дуручка.

— Привет, Персик, — боковым зрением замечаю, что он спрятал руки в передние карманы джинсов. На нем — белая футболка и, готова поспорить, на другом плече я без проблем смогу рассмотреть татуировку. И либо у меня паранойя, либо тот мотоциклист, которого я видела днем, и был Максимом Рудских. Только если так, то какого черта он делает сейчас рядом со мной, а не в Сочи? Он должен быть там, потом в Абхазии и в Ростове. Где угодно, но только не тут и не рядом со мной.

Я молчу, потому что боюсь, что ничего внятного сказать не смогу. Язык прилип к небу, а все слова, которые хочется произнести, цензура и мое воспитание вряд ли позволят произнести.

— Хорошие девочки обычно здороваются в ответ, Персик.

— Кажется, я тебя просила меня так не называть. — Прогнорировать его выпад я не могу, потому поворачиваюсь и, нахмутив брови, смотрю на Макса снизу вверх.

Терпеть не могу это дурацкое прозвище. Персиком была маленькая влюбленная дуручка, которая так сильно любила говнюка, стоящего сейчас передо мной, что не видела больше ничего и никого. А он? Он ей ничего не обещал и не просил себя любить, но она все равно любила. И сейчас любит.

Правда, она уже выросла, но ума так и не набралась. Да, уже не дрожит перед ним, коленки не подгибаются, а мозг может мыслить более-менее здраво.

Девочка выросла, а любовь не прошла.

— Да, прости, совсем выпало из головы. — Он улыбается шире, словно чеширский кот. — Ну так что? Я заслужил приветственное слово?

— Привет, Макс, — сдаюсь и, одарив его еще секундным взглядом, отворачиваюсь.

Рудских роется в карманах и достает сигарету, но не подкуривает ее. Только крутит между пальцами и смотрит на свой мотоцикл, пока я отсчитываю время до приезда машины.

— Теперь я живу здесь. На двенадцатом этаже, — слышу и киваю, словно мне эта информация важна. Хотя мой мозг ее запоминает и складывает в папочку под названием «Максим Рудских, любовь всей нашей жизни».

— Матвей с Кариной живут на девятом.

Не знаю зачем, но я против воли поддерживаю этот странный разговор.

— Знаю. Видел Лисина. Не знал, что они поженились. Круто, — киваю снова и пытаюсь отвлечься. Безумно хочется повернуться и рассмотреть Максима во всех деталях. Запомнить его, чтобы он мне снился. Снова и снова. Запомнить его запах, а после до одурения вдыхать аромат его туалетной воды, которая на нем все равно будет пахнуть иначе,

чем во флаконе.

Мы стоим рядом, я чувствую жар его тела, но молчу. Да и сам Макс прерывает разговор так же резко и неожиданно, как начал. На языке вертятся всего три слова, которые я не могу проигнорировать. Мне хочется их озвучить, хочется узнать ответ, даже если он мне не понравится.

— Зачем ты приехал?

Максим достает зажигалку и закуривает. Выпускает облачко дыма, а я снова морщу носик.

— Соскучился, — на экране телефона загорается значок приложения для вызова такси, включается бесплатное ожидание, а после во двор въезжает машина. Сверяю номера и делаю шаг к темному автомобилю, но Максим успевает взять меня за руку. — Давай я тебя подвезу, Персик?

— Доброй ночи, Максим, — аккуратно убираю руку и иду к машине, сажусь внутрь и, откинув голову на спинку сиденья, закрываю глаза. Я не хочу смотреть в окно и знать, провожает Макс взглядом машину или нет.

Соскучился.

На глаза наворачиваются слезы, быстро вытираю их. Смотрю перед собой и быстро моргаю, слушаю песню, включенную водителем, слова которой вообще не разобрать. Пытаюсь отвлечься, но перед глазами стоит образ Макса, в голове его голос, а кончик носа щекочет запах сигарет. Сладкий и ненавязчивый.

Он снова вернулся в город, ворвался в мою жизнь и пере-

вернул все одним своим появлением. Потом он исчезнет, и все забудется. Так уже было много раз.

Я уже справлялась с болью после его ухода, смогу сделать это еще раз. Только уже в последний.

Третья глава

Наше время

— Как ты думаешь, это мне пойдет? — Маша снимает с вешалки нежно-розовое платье и прижимает его к себе. Длина доходит ей до щиколоток, да и цвет совсем не ее. Слишком милое для Шейкиной. Отрицательно качая головой, а Маша, держа платье на вытянутых руках перед собой, внимательно рассматривает тряпку. Бросает взгляд на меня и говорит твердое и уверенное: — Примерь!

Покупать себе сегодня я ничего не собиралась. Вообще согласилась на этот поход по магазинам только для одного — отвлечься. Мне прошлой ночью снился Макс. Причем так ярко, что, просыпаясь, я была уверена, что он рядом. Суетится на кухне, готовит завтрак или курит на балконе. И каким же было мое разочарование, когда, осмотрев всю квартиру, я его не нашла.

Просыпаться и расстраиваться, что все это было лишь сном, — отвратительные чувства.

Платье я все же беру, Маша набирает полные руки одежды и прячется в соседней примерочной. Нехотя переодеваюсь, надеваю наряд и долго мучусь со шнуровкой на спине. Рассматриваю себя в зеркало и против воли улыбаюсь. Мне оно действительно идет. Ткань легкая, для лета подойдет идеально. Тонкие лямки на плечах и легкая корсетная вязка на об-

наженной спине добавляют изюминку. Смотрится изящно и аккуратно. Стараюсь найти в нем хоть один недостаток, но его нет.

Я совсем не собиралась ничего покупать, но уже стою на кассе и оплачиваю платье, из которого, я уверена, все лето не буду вылезать.

Маша набирает два пакета одежды. Леопардовую юбку и топ, платье коктейльное и несколько похожих на мое, только одно вишневое, а второе — черное. Берет шортики и пару маек. Умело тратит все, что Шнайдер закинул на ее карточку этим утром. Они вместе не так долго, но она часто остается у него, и по меркам Маши их отношения с уверенностью можно назвать серьезными. Она изменилась в лучшую сторону, от прежней Шейкиной практически не осталось и следа. Все же любовь с некоторыми людьми творит чудесные вещи, а других размазывает по стеночке.

Заходим в кафешку на первом этаже торгового центра. Я заказываю бамбл на вишневом соке, Машка — айс с тройной порцией карамельного сиропа. Морщу нос от количества сладости в ее напитке, но молчу. Мы садимся за столик и ждем наши заказы. Маша что-то увлеченно печатает, а после улыбается, довольно и радостно.

— За нами придет Филипп. Примерно через часик. — Бросает взгляд на экран телефона и, сложив руки на столе, смотрит на меня.

За все время, что я знакома с Шейкиной, Филипп — един-

ственный мужчина, с кем ее отношения являются долгими и серьезными. Глядя на них, не возникает никакого противного ощущения из-за разницы в возрасте. Они гармонично выглядят и, кажется, дополняют друг друга. Филипп — взрослый и сильный мужчина, а Маша — его маленькая принцесса. Она себя называет именно так. Не прыскает ядом направо и налево, а любит мужчину всем своим сердцем. Так, как только может и умеет.

— Я могу такси вызвать.

— Не нужно, Алин. Мы тебя подвезем. — Кивает и, подумав, уходит к стойке заказов. Возвращается с нашими напитками в одной руке, а в другой держит тарелку с пирожным. — Что? Мне хочется сладкого. К тому же я слышала, у них тут шикарные десерты. Ты будешь?

— Нет, спасибо.

— Я вот что подумала. Может, съездим за город? — предлагает Маша. Пожимаю плечами, потому что не знаю, что ей сказать. С одной стороны, мне безумно хочется уехать из города, в котором сейчас Макс. С другой — я хочу снова встретиться с ним, пусть и никогда в жизни не скажу этого вслух.

— Вряд ли.

— Ну, как хочешь, вредина. Впереди ведь лето, Алинка! Сессия закрыта, так чего ты такая хмурая?

— Настроения нет.

— И как зовут твое отсутствие настроения? — Машка наклоняется вперед и заглядывает мне в глаза, поигрывая бро-

вями.

— У меня просто нет настроения, Маш.

— Это тоже плохо. Если чего-то нет, то надо это создать!

— говорит и продолжает есть свое пирожное и пить до чертиков сладкий кофе.

Сама залезаю в телефон и просматриваю несколько сообщений от ребят с потока. Большую их часть оставляю без ответа. Пишу Карине, что заскочу к ним на неделе, но не уточняю, когда именно. Теперь, когда с ними в одном доме живет Рудских, надо аккуратнее выбирать дни для похода в гости. Мама присылает фото своих роз, и я не могу не отправить ей смайлик с сердечками. Это уже традиция. Я вливаюсь в эту рутину и не сразу понимаю, что последние несколько минут Машка что-то увлеченно рассказывает.

Поднимаю голову и смотрю на нее внимательно, пытаюсь понять, что пропустила.

— ...Фил предлагал мне с его друзьями съездить за город. Там у его друга есть частный дом с бассейном, но я пас, — немного нервно улыбается. — Съездила бы с ним куда-то вдвоем. Ну или втроем. Возьмем мелкого и махнем на моря. Но не с его друзьями. Пока я к таким мероприятиям не готова.

— Разве тебе не нужно... ну, наладить отношения с его друзьями?

— Поверь мне, Алина, я в свое время так наладила отношения с его другом, что до сих пор стыдно, — вздыхает

Машка и подпирает щеку кулачком. Я сразу понимаю, о чем она говорит, и не задаю лишних вопросов. Мы с девочками тогда хорошо были осведомлены об отношениях Машки и мужчины постарше. И кто ж знал, что тот мужчина окажется лучшим другом Фила — Александром Гесс, и Машка чуть не разрушит чужую семью.

— Рано или поздно вам нужно будет поговорить.

— Лучше поздно, пока я не готова. — Ворчит подруга и замолкает. Смотрит на вход в кафе и чуть улыбается. — Ты только посмотри, какой красавчик! И с ребенком. Ну, прелесть. Только... какой-то знакомый ребенок. Да и сам он... Точно, это ж Максим. Господи, он такой душный. Мне кажется, он меня ненавидит.

Машка наклоняет голову на бок, а я, обернувшись, чертыхаюсь.

Наш город вдруг стал таким маленьким, что не встретиться с Максом кажется уже нереальным.

— Ты чуть не увела мужа его сестры, конечно, он тебя недолюбливает, — неуверенно бормочу, только тихо, чтобы он не услышал.

— Либо лимонад, либо молочный коктейль, лисенок, — слышу знакомый голос и отворачиваюсь быстрее, чем Макс заметит меня. Хочется, как в детстве, зажмуриться и сделать вид, что меня тут нет. Но мы больше не дети.

— А что будешь ты?

— Лимонад.

— Тогда я — коктейль. Ты ведь дашь мне попробовать?
— Макс с девочкой лет трех, а может чуть больше, проходят мимо и останавливаются у бара, где заказывают напитки. Рудских рассматривает меню, а девочка осматривается по сторонам и, готова поклясться, что ее глаза загораются ярче, когда она видит витрину с мороженым. — Ма-акс?

— Что, принцесса? Нам, пожалуйста, вишневый лимонад, поменьше льда только, и...

— Шоколадный, — важно добавляет девочка.

— И шоколадный молочный коктейль, — Рудских тянется к карману и достает карточку.

— И два шарика шоколадного мороженого и один вишневого. Пожалуйста, — малышка хватается за край столешницы и приподнимается на носочки, чтобы взглянуть на девушку, принимавшую заказ.

На улице стоит просто адская жара и маленькая девочка в ярко-желтом платье напоминает маленькое солнышко. И эти ее два светлых хвостика на макушке... ну самая настоящая принцесса!

— Мы на мороженое не договаривались, Василиса.

Услышав имя, я сразу понимаю, с кем он. Это его племянница, дочь старшей сестры и лучшего друга Филиппа Шнайдера. Я эту девочку никогда не видела, а вот ее брата, Марка, последний раз видела несколько лет назад, когда Виталина с мужем и маленьким сыном приезжали в Прохоровку. Тогда мелкий еще плохо говорил, бегал в шортах и с голым пузи-

ком, наводил суету в палисадниках бабули. Меня попросили посидеть с ним, и все было просто превосходно, пока на нашу скромную тусовку не притащился Макс.

— Так я тебе тоже заказала. Вишневое! — возмущается Василиса, а Максим сдается. Кивает и просит добавить к заказу мороженое. Вижу, как убирает карточку обратно в карман и оборачивается, чтобы оглядеться и занять себя чем-то на ближайšie пару минут. Сама я сразу же отворачиваюсь, но слишком поздно. Максим меня замечает и, сказав что-то племяннице, идет ко мне. Девочка бежит следом за ним, от чего хвостики на макушке подпрыгивают.

— Привет, девчонки, — говорит и останавливается у нашего стола. На единственный свободный стул рядом с нами садится Василиса в своем ярко-желтом платье. Весело подергивает ножками и рассматривает нас, словно запоминая и пытаясь понять, стоит нам доверять или нет. Улыбается мне и протягивает ручку, чтобы познакомиться.

— Привет! Я Василиса. А тебя как зовут? — она оборачивается и дергает Максима за край футболки, когда мороженое, которое они заказывали, ставят на стойку. Макс не ворчит, не возмущается, лишь закатывает глаза и идет и приносит племяннице десерт.

— Алина, — улыбаюсь девочке и протягиваю ей руку. — У тебя очень красивое платье.

— Спасибо, — смущается она.

— Фил говорил, что ты не приедешь в город раньше осе-

ни, — немного недовольно говорит Маша. Чувствую, как она напрягается в его присутствии, не знает, куда себя деть. И пусть даже сам Шнайдер убеждает ее в том, что все в порядке и о прошлом не стоит волноваться, она все равно переживает и нервничает. Вот как сейчас. Девочка на нас больше не обращает внимания. Ест мороженное, довольно облизываясь.

— Да, появились дела, и я вернулся, — говорит так нехотя, словно не хочет об этом рассказывать в моем присутствии.

— Дела..., — вдруг загадочно улыбается Машка. — Фил говорил что-то про выходные за городом и про рыбалку. Вы снова собрались рыбачить?

— Да. Погодка чудесная, — Макс улыбается. Но что-то мне подсказывает, что это не то дело, которое заставило его бросить все и вернуться в наш город. Аппетита нет совершенно, даже свой бамбл допить не могу. Делаю один небольшой глоток, чтобы чем-то себя занять. Хочется сбежать, далеко. Так, чтобы Макс меня не нашел.

— А мы сейчас по магазинам пойдем, — Василиса поднимает личико к Максиму и тот, тихо вздохнув, вытирает салфеткой ее измазанные губки. — Только подождем маму с Мариком.

Машу перспектива встретить Виталину Гесс не радует совершенно. Вижу, как дергается ее глаз, и сама она слегка ерзает на удобном и мягком стуле. Бросает на меня взгляд, и я все понимаю без слов.

— Мы пойдем. Хорошего вам похода по магазинам, — поднимаюсь первой, беру пакет, оставленный на спинке стула, и улыбаюсь девочке. Она очень милый ребенок. И сейчас, когда она рядом с Максом, я замечаю, как она на него похожа. Те же глаза, аккуратные губки и взгляд, добрый и светлый. Если у него будет дочь, то такой же, как Василиса.

Я сама хочу такую же малышку, как Василиса. С голубыми глазками, светлыми волосиками. Чтобы одевать ее в платья, заплетать косички и вместе гулять в парке, съедая все шоколадное мороженое. Читать сказки перед сном и целовать в румяные щечки.

У Макса будет такая дочь, но не от меня.

— А ты красивая, — слова Василисы сбивают меня с толку. Так и замираю, сжав стаканчик с напитком сильнее.

— Спасибо. И ты очень красивая.

— Я знаю, — улыбается довольно и машет мне ладошкой, когда мы уходим. С Максом прощаюсь простым кивком, говорить мне с ним не хочется. Всякий раз, когда мы с ним заговариваем, что-то происходит. И в большинстве своем это что-то заканчивается моим разбитым сердцем.

Оказавшись на улице, натягиваю на глаза очки и в два больших глотка допиваю остатки бамбла. Он уже не такой вкусный, но мне срочно нужно освежиться. Заказываю такси, пока Маша болтает со Шнайдером по телефону. Я не хочу находиться здесь, где в любой момент могу встретить Макса и его прелестную племянницу.

— Я поехала. Пока, Машуль.

— Но как же? Мы тебя подвезем!

— Ничего страшного, так быстрее получится. Все, пока-пока, — обнимаю подругу и, пока она еще не пришла в себя, сажусь в прохладный салон автомобиля.

Мы уезжаем быстро, но останавливаемся в центре города, попав в пробку. Кручу в руках телефон, часто поглядываю на него, словно сейчас появится сообщение от Макса, но он не напишет. Точно не мне. И это хорошо, потому что я сейчас не готова снова через все это проходить: через боль, отрицание его чувств ко мне, собственные ошибки и мысли о совместном будущем, которого никогда не будет. Нервно потираю шрам на ладони. Пока все девчонки в школе мечтали о романе с хоккеистом из города или мальчиком из футбольной команды, мне хотелось, чтобы на меня обратил внимание Макс. И так было всегда: среди всех и каждого, я выбирала только его.

Четвертая глава

Лето 2017 года

Это лето должно ничем не отличаться от всех предыдущих. Матвей проведет дома лишь два месяца, потому что остальное время будет сдавать сессию и помогать в городе отцу. Я буду снова предоставлена сама себе и маминым клумбам. Нет, мне нравится возиться с цветами, пересаживать, пропалывать, но не в тот момент, когда в Прохоровку снова приехал Макс. Я не слежу за ним, вы не подумайте. Просто случайно услышала, как Матвей говорил с Кариной по телефону. Они собираются поехать на выходных на речку и в числе приглашенных есть Макс Рудских, но нет меня. Я все еще слишком маленькая для компании брата. Он вообще запретил своим друзьям общаться со мной. Нет, я могу с ними поболтать, но ничего больше. Хотя никто из них меня не привлекает, если не считать Рудских.

— Ты сейчас в таком возрасте, когда смотришь на мальчиков иначе. А мои друзья... Алин, тебе точно не могут нравиться мои друзья, — как-то перед сном сказал мне Матвей. А мне и никто из них не нравился, да и вряд ли это изменится, когда все мои мысли об одном конкретном парне, которому я не нужна. Ну вот совсем ни капельки.

А Макс не друг Матвея — они, скорее, приятели, которые вместе проводят летние каникулы. Так что слова брата я не

нарушаю.

Мама уехала на рынок, папа с утра — в администрации, а я — отсыпаюсь после бессонной ночи с любимым сериалом. Проснувшись ближе к обеду, принимаю прохладный душ и готовлю завтрак. Включаю кондиционер и несколько минут стою и наслаждаюсь прохладным воздухом. Духота стоит в доме ужасная. Мама возвращается через несколько часов, суетится на кухне, готовит ужин и хвастается новыми покупками. Я же слушаю ее внимательно, мне ведь любопытно. Особенно, когда она заводит разговор про бабушку Макса, которую подвозила сегодня. Она угостила маму вареньем. Клубничным, безумно вкусным и сладким.

— Поможешь мне сегодня в саду? — мама раскладывает в холодильник продукты, каждый — на свою полку. Для нее такой порядок максимально важен.

— Вечером?

— Да. Или у тебя появились планы? — она отвлекается и, прикрыв дверцу холодильника, внимательно смотрит на меня. Солнцезащитные очки все еще надеты на макушку и удерживают длинную челку. Сама-то я от челки отказалась и теперь пытаюсь отрастить ее, чтобы в будущем сравнять с остальной длиной.

— Думала с девочками погулять.

— С девочками, — кивает мама и заканчивает с продуктами, после чего садится на стул передо мной и сцепляет руки в замок на крышке стола. — Алина, я должна была с то-

бой поговорить об этом еще давно, но как-то думала, что все решится само собой. Ты уже выросла. И мальчишки...

— Мальчишки смотрят на меня иначе, — прерываю я, а мама хмурится и смотрит на меня с непониманием. — Мне Матвей уже читал нотации о том, как мне нужно себя вести. Что я не ребенок и все такое. Но, мам, я не маленькая девочка и знаю, как себя правильно вести.

— Умница. — Улыбается она мне и вытягивает ко мне руки. Накрываю ее ладони своими и чуть сжимаю пальцы. — Но мне все же нужно тебе сказать, чтобы ты была аккуратней. Ты у нас неглупая девочка, но прошу, цветочек, если вдруг случится что-то такое, о чем ты захочешь поговорить, то я всегда рядом. А... если вдруг не захочешь говорить со мной, то, уверена, что Карина подойдет для этой роли намного лучше.

Возможно, этот разговор для мамы был важен, она уже давно поглядывала на меня и словно хотела что-то сказать, но молчала. Ни один из родителей никогда не ограничивал меня в выборе одежды, не запрещал краситься и творить с моими волосами то, что мне заблагорассудится. За это я их и люблю. Они дают мне свободу, помогают в начинаниях и всегда поддерживают.

Я пишу своим подружкам, но назло ни одна из них не может сегодня прогуляться. Одна уехала в город, другая — провинилась, и ей запретили вообще куда-либо выходить. По итогу я собираюсь сама. Распускаю волосы, надеваю се-

режки-ромашки и такой же браслет на руку. Нахожу короткий ярко-розовый топ и джинсовые шорты. На ноги — сандалии. Проверяю в небольшой сумке ключи, телефон, наушники и деньги. И, повесив ее на плечо, выхожу из дома. Почти сразу же включаю музыку в наушниках, неосознанно шаг подстраивается под песню, которую я слушаю. Дохожу до ближайшего ларька, покупаю вишневое мороженое и иду уже с ним в сторону парка. Все сейчас бросятся на дискотеку, но туда я точно не пойду. Пошла бы, будь рядом подруги, но одна не хочу. Потому посижу в парке, послушаю музыку или почитаю в электронке. Не так давно смогла найти сайт с электронными книгами, и теперь они еще одна причина моего недосыпа.

Сажусь на пустую скамейку, закидываю ногу на ногу и загружаю сайт, пока доедаю мороженое. В парке, как я и думала, слишком мало людей. Кто-то в такую жару предпочитает купаться в речке, другие же готовятся к дискотеке. Нахожу нужную главу и с головой погружаюсь в чтение. Улыбаюсь, как дурочка, когда главный герой пытается флиртовать с героиней, которой он неинтересен, как она думает. Читаю страницу за страницей, не сразу замечая, что на скамейке я давно не одна. Убираю один наушник и поворачиваю голову, натываясь на знакомые и любимые глаза.

— Ты так увлеклась, что мне было неловко тебе мешать, — говорит Макс и улыбается. Наклоняется, чтобы заглянуть в экран телефона, но я быстро блокирую его.

— Привет, Максим, — говорю строго и даже серьезно.

— Привет, Персик. — Сжимаю губы, чтобы сдержать улыбку. Прошел год, а он все так же меня называет. — Не хочешь показывать, что так увлеченно читала? Неужели что-то... пошлое?

Щеки против воли заливаются румянцем. Хочется показать ему обложку безобидной книжки про мальчика с татуировками и милую девочку, но я сдерживаю себя. Я не обязана отчитываться перед Максом. Он мне никто. Даже не брат!

— Ладно, каюсь, вышло не смешно. — А сам сидит и улыбается, в серых шортах и белой футболке. — А ты почему тут одна сидишь?

— Скорее всего, из-за того же, почему ты гуляешь один, — парирую я.

— Так я не собираюсь гулять один. Я кое-кого жду, — бросает взгляд мне за спину. Сама бесконтрольно оборачиваюсь и вижу Катю Бубликову. Она идет в коротком ярко-розовом платье, виляет бедрами на высоченных каблуках.

Да чтоб ты упала!

Она, словно услышав меня, спотыкается и едва не падает. Поправляет свои ярко-рыжие волосы и продолжает идти дальше. Пока Катя нас не видит, слишком увлечена собой и чем-то в телефоне, мне в нос ударяет приятный аромат парфюма и геля для душа с зеленым чаем, и я оборачиваюсь и натываюсь на внимательный взгляд Макса. Он теперь сидит намного ближе, чем прежде.

— Мне нравится, что ты не красишься так много, как другие. Ты и так красивая, — говорит тихо, пока взгляд блуждает по моему лицу. И я готова поклясться, что вижу, как он смотрит на мои губы, накрашенные вишневым блеском. Где-то вдалеке я слышу стук каблуков Кати Бубликовой, но он исчезает, стоит мне посмотреть на Макса.

— Я знаю, что красивая, — сама отвечаю ему шепотом и губы раскрываю на выдохе. Мне кажется, что я сама пропахла зеленым чаем и стала с Максом единым целым. Снова ловлю его взгляд на своих губах, потому машинально облизываю их и чувствую на кончике языка вишню.

Спелую, сладкую и сочную.

В его глазах загорается что-то, чего я прежде никогда не видела. И мне нравится эта новая эмоция, которую я вызываю у Рудских. Он наклоняется еще ближе, говорит мне прямо в губы, его шепот обжигает.

— Никогда так больше не делай, Персик. Иначе мне придется тебя съесть, — он вскользь касается губами моей щеки и сразу отстраняется. Стоит мне прийти в себя и осмыслить то, что я только что услышала и почувствовала, как Макса рядом нет. Кручу головой и вижу его рядом с Бубликом, он обнимает ее за талию, а та заливисто хихикает. И в этот момент мне кажется, что все, что было всего мгновение назад, мне приснилось.

Но только почему так сильно горят щеки и пылают губы, словно парень, которого я люблю больше всего в мире, меня

поцеловал?

В тот вечер, чтобы избежать душевных терзаний, я возвращаюсь домой, переодеваюсь и помогаю маме с цветами, пропалываю клумбы и что-то пересаживаю. Из колонки доносится громкая музыка, поддерживает работать больше, усерднее. Поливаю, удобряю, что-то подрезаю и останавливаюсь лишь тогда, когда за щеку кусает комар.

— Все, зайка, на сегодня хватит. Пора отдыхать, — мама, которая ушла доставать из духовки клубничный пирог, выходит на улицу и вытирает руки полотенцем. Сегодня мы ужинаем с ней вдвоем, и, чтобы не заставлять мать ждать, я выключаю музыку и возвращаюсь в дом. Помогаю ей и там, делаю что угодно, только бы не думать о встрече с Максом и о том, что он сейчас делает с Бубликом.

Пятая глава

Наше время

Весь день на улице стоит адское пекло. Я никуда не хожу, валяюсь под кондиционером и думаю, что стоило сразу после закрытия сессии уехать домой к родителям, а не находиться в душном городе. За окном ни ветерка, ни тучки. Термометр показывает уже выше тридцати пяти, и, судя по прогнозам синоптиков, это не предел. В городе меня держит только работа, но я могу сдвинуть клиентов на одно время и приезжать только ради них, а все остальное время проводить в Прохоровке. У меня есть небольшое хобби, которое меня прокармливает лет с тринадцати, когда я впервые взяла в руки ножницы и сделала себе челку, а потом училась сама ее укладывать. Это потом в интернете появились всякие пошаговые уроки, что-то можно было найти не только в фотоформате, но и видео. Так я постепенно устроила из своей комнаты небольшую студию, в которой творила красоту — красила волосы маме, делала стрижки и укладки подругам и их парням. Набивала руку бесплатно, но, когда спрос вырос, начала брать небольшую, но все же плату. И сейчас я подрабатываю в небольшом салоне «Марлен», который располагается на первом этаже моего многоэтажного дома. В учебное время записи брала лишь на вечер, сейчас — в любое время. Целыми днями пропадать дома тоже особо не хочется, а

так пусть хоть какое-то развлечение. Отцу мое хобби особо никогда не нравилось, а вот мама от него в восторге. Разве не предел мечтаний, когда у тебя есть свой личный парикмахер?

Единственное, я стараюсь особо не распространяться этим среди друзей и подруг, потому что многие из них считают, что я должна делать им все бесплатно, но как бы не так. Я плачу аренду за рабочее место, оплачиваю материал и трачу много времени. Так почему должна что-то делать бесплатно с их волосами, даже если это приносит мне удовольствие?

Выхожу из квартиры ближе к вечеру. Покупаю в кофейне неподалеку бамбл на вишневом соке и иду дальше по улице. Прислушиваюсь к городскому шуму, суете и улыбаюсь, слыша знакомые и любимые песни из проезжающих мимо машин. Несмотря на плохую погоду, настроение отличное.

Я молода, красива, и впереди целое лето, чтобы в корень изменить свою жизнь. Останавливаюсь на набережной. Здесь не так давно открыли новую аллею, построили фонтан и теперь сюда приходит втрое больше людей, чем бывало обычно. Прячусь в одной из беседок, включаю музыку в наушниках и открываю приложение для чтения электронных книг. Этим балуюсь редко, больше нравится бумажный вариант, когда можно потрогать книгу и вдохнуть ее аромат. Но сейчас захотелось окунуться с головой в книгу, которую в ближайшее время не напечатают.

В какой-то момент отвлекаюсь и поднимаю голову. Непо-

далеку от меня проходит компания подростков, все девочки в коротких платьях и на каблуках. Накрашены очень ярко, сразу и не поймешь, что им всего-то лет четырнадцать. Склоняю голову на бок и думаю, что, выгляди я в свои четырнадцать так, Макс бы давно был моим. Смешок слетает с губ, потому что это неправда. Рудских не посмотрел бы на меня, даже если бы я выглядела так: с наращенными ресницами и яркими, пухлыми губами. Он всегда во мне видел маленькую девочку, младшую сестру друга.

Читать больше не хочется, и я собираюсь домой. Переключаю песню и неспешным шагом иду обратно. Легкое дуновение вечернего ветра колышет ткань юбки, холодит ноги. Волосы слегка развиваются, и хочется бросить все и побежать далеко, так далеко, чтобы никто и никогда не нашел. Мимо проезжают машины, мотоциклы, и в каждом я пытаюсь найти Макса. Встряхиваю головой, заставляю себя прекратить думать о нем, но не получается.

Он — это закрытая глава моей собственной книги, и я не собираюсь к ней возвращаться.

Подхожу к подъезду и сворачиваю на лавочки, сажусь на одну из них, вытянув ноги. Вокруг стоят цветочные ароматы, на детской площадке кричат дети. Еще нет и восьми, а я уже почти пришла домой, хотя в свои подростковые годы в это время я только начинала гулять. Если бы не Матвей, то родители меня никуда бы не отпускали. Выходила всегда из дома строго под ответственность старшего брата. Поду-

мываю о том, чтобы навеститься к ним в гости, но быстро отбрасываю эту идею. Они такими темпами даже не успеют по мне соскучиться, да и особо не хочется там снова встретить Макса.

Отвлекаюсь на звонок, и чуть дергаются уголки губ, когда я вижу имя звонившего — Машка. Она словно почувствовала, что мне одиноко и тоскливо. Сейчас начнет болтать и вмиг настроение стане лучше.

— Гуляешь? — с места в карьер говорит она. Перевожу звонок на видео и улыбаюсь подруге шире.

— Не-а, уже сижу у подъезда, как вредная бабка, и обсуждаю короткие юбки молодежи, — хихикаю и затихаю, поймав на себе возмущенный взгляд женщины, проходившей мимо.

— Не вечер, а сказка! А я вот салат делаю. Ты, кстати, не знаешь, если в цезарь добавить обычные яйца, а не перепелиные, будет вкусно?

— Шнайдер точно не отравится, — заверяю подругу. Прикрываю губы, тихо зеваю.

Все же Филипп благополучно на нее влияет. Раньше и подумать не могла, что Маша будет что-то готовить, кроме кофе, а теперь постепенно осваивает простые блюда. Как-то она мне звонила в истерике из магазина, не могла найти красный майонез для салата, пришлось ее всему обучать с нуля.

— Он скоро приедет, поехал за Ваней. Проведем выходные вместе.

— Это круто.

Теперь я завидую подруге, потому что сама проторчу все выходные одна: я, сериалы, кофемашинка и четыре стены вокруг. Так себе компания.

— Может, ты все же поедешь с нами за город? Развеешься! — с тех пор, как Маша впервые предложила мне поездку за город с ними, а я отказалась, она не может отстать от меня ни на секунду. Вот и теперь снова заводит об этом разговор. — Тебе это необходимо, Лисина.

— Необходимо, — передразниваю ее. — Мне необходимо выспаться, Маш. Я устала просыпаться с восходом солнца, серьезно.

Не знаю, как так получается, но которую неделю подряд я просыпаюсь на рассвете. Уже и шторы купила себе новые, которые и лучика не пропускают, телефон отключила, но ничего не помогает. После сессии все еще осталась какая-то тревожность, которая ничем не снимается: ни ромашковым чаем, ни двадцатью каплями корвалола.

— Да, у тебя от недосыпа уже под глазами настоящий кошмар, — кивает Машка, и на экране телефона показываются лишь ее глаза, словно подруга хочет вылезти ко мне и проверить мое лицо лично. — Алин, ну, поехали, а? Чего тебе стоит?! Я там никого не знаю, а так вдвоем будем. Ты да я — уже не так скучно.

— Я подумаю, Маш, хорошо? — вижу на губах подруги улыбку и понимаю, что дала слабину. Шейкина ведь теперь

не отстанет, не после того, как я почти согласилась поехать с ней за город к друзьям ее мужчины.

— Хорошо, — недовольно бормочет и камеру переводит на свое кулинарное творение. — Как тебе? Вроде неплохо.

— Ну... не все так плохо, как мы думали, Маш.

На самом деле, все действительно так, если не брать в расчет кусочки обычных помидоров и классических куриных яиц. Но, думаю, для первого раза подойдет.

— Тогда пока, Шнайдер приехал. А ты подумай, договорились?

— Да-да.

— Все! Чмоки в щеки, Лисина!

Прощаюсь с подругой и сижу на лавочке еще долгих минут пятнадцать, потому что катастрофически не хочется подниматься в квартиру и встречаться с одиночеством лицом к лицу. Карина как-то предлагала мне завести котенка, но я не хочу. Боюсь не справиться с ответственностью, что-то забыть сделать или просто стать для него плохой хозяйкой. Но так приятно приходить домой, зная, что тебя там ждут.

Поднимаю голову к вечернему небу и тихо выдыхаю. Несмотря на то, что еще не стемнело, где-то видны звезды. Маленькие и едва заметные, но они есть. Замечаю падающую звезду и тихо себе под нос бормочу единственное желание, которое исправно загадываю на каждый праздник, когда задуваю свечи.

— Хочу влюбиться. Взаимно, — звезда исчезает в тот са-

мый момент, когда последний звук сказан.

Вряд ли оно исполнится, конечно, но запрос во вселенную сделан.

Шестая глава

Наше время

— Ну, так что, Лисина? — закрываю за последним клиентом дверь и устало падаю в кресло. Оно мягкое и безумно удобное.

В салоне я сейчас одна, другие девочки либо закончили раньше, либо устроили себе выходной. По громкой связи болтаю с Машей и бегло осматриваюсь вокруг: салон небольшой, но аккуратный и чистый. Живу я в самом простом районе города, потому и парикмахерская тут без изысков, но мне нравится.

— По поводу?

— Следующих выходных, — нетерпеливо объясняет Маша.

— Прости, после работы голова вообще не работает.

Потираю устало виски и прикрываю глаза. Я снова встала на рассвете, к обеду переделала кучу всего, начиная с уборки и заканчивая выбросом мусора. В салоне торчу с двух, а уже семь, и я максимально вымотана. В холодильнике дома пусто, так что с трудом нахожу в себе силы, чтобы подняться и добрести до ближайшего продуктового. Правда, пока я только думаю об этом, настраиваюсь и слушаю подругу.

— ... я все узнала, там будет что-то вроде тусовки своих, так что ты обязана со мной поехать, Лисина. И отказы не

принимаются. Я бы позвала Любу, но она укатила со Степашкой куда-то на все лето, до нее не дозвониться. Но ведь ты не бросишь подругу в беде, правда?

— Я еще думаю, Маш. Правда. Еще целая неделя впереди, все можно будет переиграть.

— Но ты ведь понимаешь, что я смертельно обижусь на тебя, если ты меня бросишь?

— Понимаю.

— А в гневе я страшна, Лисина.

— Знаю, — обреченно вздыхаю.

Машка знает, на что давить. Но я говорю правду: все может измениться в любой момент, так что точный ответ дам ей в пятницу. И ни днем раньше.

Прощаюсь с Шейкиной и выбираюсь сначала из кресла, в котором могу уснуть, а после из салона. Закрываю за собой дверь, несколько раз ее дергаю, проверяя, и только после бреда в сторону магазина. Волосы по дороге собираю крабиком, потому что на улице все еще душно и пряди на затылке начинают неприятно липнуть к телу. Забегаю в один пункт выдачи, потом — в другой, и через минут сорок я уже вся увешана пакетами. Долго думаю над тем, чтобы заказать такси и добраться до дома с комфортом, но останавливаю себя. Тут идти-то минут пятнадцать, сама справлюсь. Лишь покупаю себе холодный лимонад и продолжаю идти, удерживая все пакеты в одной руке. Жалею, что не взяла сразу наушники. Сейчас бы прогулка до дома точно не была бы такой

скучной. Но они валяются где-то в сумочке, и добраться просто так до них я сейчас не смогу.

— Алин? — слышу я, продолжая идти, и лишь немного сбиваюсь с шага. Я знаю этот голос, и сейчас у меня открывается какое-то второе дыхание: я готова бежать до подъезда, только бы не встретиться с его обладателем. Даже сонливость куда-то исчезает. — Алина! Лисина, погоди!

Останавливаюсь и оборачиваюсь, смотрю на Макса снизу вверх. Пользуясь тем, что глаза спрятаны за солнцезащитными очками, без зазрения совести рассматриваю Рудских. Он в черных шортах и синей майке, которая прилипла к его телу. В руках — бутылка воды, а на ногах спортивные кроссовки. Выглядит как парень с обложки спортивного журнала — мечта всех девочек-подростков.

— Ты избегаешь меня? — говорит он с улыбкой, и мне хочется вылить ему свой лимонад прямо в лицо. Неужели он настолько наглый, чтобы говорить такие вещи?

Да, он наглый. Всегда таким был, и мне это нравилось.

— Я не обращаю внимания, когда кто-то на улице произносит мое имя. Мало ли сколько Алин кругом, — небрежно пожимаю плечами.

— Ты ведь узнала, что тебя зову я.

— Не узнала. Мир не вертится вокруг тебя, Рудских!

Он ничего не говорит. Молчит, сжимая в руке бутылку воды. Делаю пару глотков лимонада и собираюсь уходить, потому что причин находиться рядом с ним у меня нет. К тому

же это был долгий и тяжелый день, я устала и хочу в душ. А еще — в холодную квартиру: валяться под кондиционером и смотреть глупые ромкомы.

Максим рассматривает меня, улыбается, проскользнув взглядом по моему телу. В этот момент мне уже не так жарко, как еще секунду назад. По телу проходит волна дрожи, бросает в холодный пот.

— Я помогу, — вызывается он.

— Не стоит, Макс. Я взрослая девочка и справлюсь сама, — морщусь носик и лишь сильнее стискиваю пальцами ручки пакетов. И пусть мне тяжело и я хочу бросить половину того, что забрала, но Рудских я об этом не скажу.

— Кажется, я не спрашивал, Персик. Я помогу, — одним движением руки он забирает у меня пакеты и, обогнав, идет вперед. А я так и стою несколько секунд обескураженная и сбитая с толку. — Ты идешь, Персик? Или тебя тоже донести до квартиры?

— Козел! — бормочу под нос и иду следом за ним. Макс не пытается шагать быстро, он подстраивается под мой темп и большую часть дороги молчит. Несет мои баулы с таким видом, словно ничего у него в руках нет и это просто прогулка.

Сама краем глаза поглядываю на Макса, пытаюсь понять, как он забрел в мой район и почему занимается именно здесь. Предположила бы, что он провел время в спортзале, но это никак не укладывается в голове. К тому же я не при-

помню, чтобы в этом районе открывали тренажерку. Тем более в моем! Там, где живет Матвей, не так давно открыли зал, куда и ходит брат. Было бы логичным, чтобы и Рудских ходил туда же.

— Я бегал, Персик, — отзывается он, когда мы останавливаемся на светофоре. Макс бросает на меня короткий взгляд, а затем снова смотрит перед собой.

— Я не спрашивала, — дуюсь и, выбросив стаканчик в мусорное ведро, руки складываю на груди. С трудом, но удерживаю себя от комментария по поводу прозвища.

— Правда? А мне показалось, что я слышал твой вопрос. Ты слишком громко думаешь, Персик.

— Прекрати меня так называть. Мне не двенадцать, — не выдерживаю я.

— Да, тебе не двенадцать, Персик, — слышу его тихий вздох.

Больше мы с ним не говорим, лишь изредка приходится подсказывать, куда идти дальше. Мы останавливаемся у моего подъезда, и Макс не отпускает пакеты, даже когда мы заходим внутрь и я нажимаю кнопку лифта. Как бы сильно прежняя я не старалась затащить Максима в свою квартиру, новая я этого никогда не сделает. Этим утром я твердо для себя решила выбросить Максима Рудских из своей жизни и начать новую, в которой для него не будет места. Даже крохотного кусочка. Но, учитывая обстоятельства и то, что спустя пару минут он стоит в моей прихожей, где-то мой план

на новую жизнь дает трещину.

— Я тебя не приглашала в гости, Макс, — с возмущением говорю ему.

Он стягивает кроссовки, наступая на пятки, и проходит вглубь квартиры. Сейчас радуюсь, что потратила утро на уборку. Дверь в свою спальню я успеваю закрыть прежде, чем парень заглянет и туда. Зная его, он непременно заглянет в шкаф с нижнем бельем, прокомментирует все мои откровенные наряды и выберет себе самый любимый.

— Сделаем вид, что этого мы не слышали. — Он улыбается и пакеты грузит на кухонный островок. Достает из одного бутылку молока, лимонад и три ярко-желтых лимона, прячет все в холодильник и роется дальше. На крохотной кухне он ориентируется так, словно бывает тут каждый день. Сама включаю кондиционер и вытираю влажную шею: вспотела то ли от духоты, то ли от волнения и нервов. Я еще не определилась. Макс открывает бутылку воды, найденную на полке, и жадно пьет, опустошая почти половину. — Не подскажешь, где у тебя тут ванная?

— Ты собрался принять у меня душ? — к щекам приливает румянец, пусть я и до конца не понимаю его причину. Как и вообще все происходящее.

Почему он ворвался в мою жизнь именно тогда, когда я решила его забыть? Снова смешивает мне все карты, сбивает с толку.

— Да. Я бегал, Персик, и мне нужно в душ, — кивает и,

обойдя кухонный островок, подходит ко мне. — Я помог тебе с пакетами, а ты, пожалуйста, перестань быть такой злойкой. Тебе это не идет.

Макс щелкает меня по кончику носа и уходит. Слышу, как открывается, а после и закрывается дверь. Включается вода в ванной комнате, а я продолжаю стоять в центре кухни и злиться от абсурдности ситуации. Понятия не имею, что он будет делать дальше. Напялит свои грязные вещи? Тогда смысл в принятии душа совершенно пропадает. Тихо ругаюсь под нос и ухожу в свою комнату, в шкафу нахожу шорты и футболку Матвея. Они вроде бы одной комплекции, так что ему должно подойти. Матвей со мной никогда не жил, но в те редкие моменты, когда они с Каринкой оставались у меня с ночевкой, у него всегда была тут одежда. Беру их в охапку и топаю к двери в ванную, прислушиваюсь и замечаю, что воды уже не слышно. Поднимаю руку, чтобы постучать в дверь, но та резко открывается, и я так и замираю с поднятой рукой. Макс стоит передо мной, повязав на бедрах полотенце. Его волосы мокрые, на кончиках видны капли воды, которые падают на тело и медленно стекают по шее и крепким плечам, загорелой груди. Мне стоит больших усилий поднять взгляд и посмотреть в глаза Максy.

— Держи, это тебе, — впихиваю ему в руки одежду брата, но сама никуда не отхожу. Вдруг начинаю ощущать знакомый запах земляники и сливок — моего любимого геля для душа, и от мысли, что теперь так пахнет и Макс, щеки

снова алеют. Предательский румянец!

— Спасибо, Персик.

Убираю руки за спину, сжимаю пальцы в кулаки и изо всех сил стараюсь смотреть этому паршивцу в глаза. Желание опустить взгляд и рассмотреть его тело во всех деталях слишком привлекательно. Пытаюсь убедить себя, что это простое женское любопытство..

— Не стоит себе отказывать в удовольствии рассмотреть на меня. Тогда было темно, и ты наверняка ничего не запомнила, да?

Его слова хлестко бьют по щекам. Приходится собрать всю волю в кулак, чтобы не ударить его или не выставить из квартиры так, в чем мать родила, забрать чертово полотенце.

— Между нами не было ничего, что мне стоило бы запомнить, Макс.

— Было. И мы оба знаем, что ты все помнишь, Персик. А если нет, то я могу напомнить. Только попроси.

— Алина. Меня зовут Алина, а эти сладкие прозвища оставь для своих подружек, Рудских!

Отойдя от двери, резко захлопываю ее и, развернувшись на пятках, ухожу в кухню. Дрожу вся от смеси злости и негодования. Как он посмел?! Да, я все помню, как и он, раз заговорил об этом, но зачем вспоминать прошлое? Руки предательски дрожат, и мне с трудом удается открыть бутылку. Жадно припадаю губами к горлышку и не сразу вспоминаю, что не так давно из нее точно так же пил Макс. Давлюсь во-

дой, кашляю, и из глаз брызжут слезы. Чертов день! Он не может быть еще хуже.

Но, кажется, может.

Слышу, как в дверь звонят, а после звенят ключи. Напрягаюсь всем телом, прекрасно понимая, кто мог прийти ко мне в гости, имея свой дубликат ключей. Выбегаю из кухни и натываюсь на Макса. Он стоит около ванной все еще в повязанном полотенце, в руках держит одежду брата и хмуро смотрит на меня. Порывается что-то сказать, но я лишь толкаю его обратно в ванную и перед его носом закрываю дверь. В этот самый момент входная дверь открывается, и я лицом к лицу встречаюсь с Матвеем.

— Привет, Алин, — улыбается он, и я пытаюсь улыбнуться в ответ так, чтобы брат ни о чем не догадался. Боже, если ты есть, пожалуйста, прекрати надо мной сегодня издеваться. — Ты чего такая... странная? Нерв защемило?

— Привет. — Подхожу и обнимаю брата за плечи. Целую в слегка колючую щеку по привычке. — Да нормальная я. Жарко просто, а ты сам знаешь, как я плохо переношу жару и духоту. Да и что-то устала на работе.

— Знаю, поэтому ты включила кондиционер на полную мощность, — смеется и проходит вглубь квартиры, перед этим бросив ключи и телефон на тумбочку. Пока братец идет в кухню, успеваю бросить взгляд на дверь ванной. Подхожу ближе и выключаю в комнате свет, оставляя Макса внутри в абсолютной темноте. Мне остается лишь надеяться, что он

не выйдет и не покажется Матвею.

Если это произойдет, то можно сразу писать завещание и улетать из страны. Хотя брат меня везде найдет и попросит объяснений. Он у меня умный, сразу сложит два плюс два и поймет, что причина всех моих слез — Рудских.

На кухне Матвей уже во всю хозяйничает. Достает из холодильника бутылку сока, глазированный сырок и усаживается на высокий барный стул.

— Ты без Карины?

— Да, завез ее домой, а сам решил заскочить к тебе. У нее из-за жары постоянно болит голова, пусть отоспится. Завтра уезжаем в Прохоровку, по плану там будем до конца лета, — сообщает Матвей, начиная есть. — Не хочешь с нами?

— Нет, спасибо. Я планировала немного поработать до учебы.

— Точно. Как успехи?

— Мне нравится. Девчонки там хорошие, клиенты вроде адекватные. Пока никаких сложностей, — сажусь напротив и складываю руки на столешнице.

— Ты ведь знаешь, что всегда можешь на меня положиться, да?

— Конечно, — улыбаюсь искренне.

С братом мне повезло. Если бы не он, отец никогда бы не разрешил мне жить самостоятельно и заниматься тем, что мне нравится, пусть я и учусь на юридическом. Отец согласился, чтобы я дальше продолжала свое хобби, хотя он во-

обще не понимает, как мне может приносить удовольствие возня с чужими волосами. Мне же не понять его работу. Мы просто разные. Но брат меня понимает и поддерживает, а это многого стоит для меня.

Брат проводит у меня в гостях около часа. Рассказывает о недавней поездке с Кариной за город, как она сплела ему ободок из одуванчиков, проболтался про фотографии, но сам не показал. Но Карина точно не откажет мне в удовольствии увидеть брата таким милым. Этим я займусь позже. Провожая Матвея, целую его в щеку и обнимаю на прощание, закрываю за ним дверь. Через несколько минут мне приходит оповещение о переводе денежных средств с припиской: «От старшего брата на вкусняшки». Как бы я ни сопротивлялась, я не могу отказываться от помощи Матвея. В деньгах не нуждаюсь, но все его переводы отправляю на счет, пусть пылятся там на черный день. Стою перед входной дверью, совсем забыв о том, что в квартире не одна.

— Я уже и забыл, как он тебя опекает, — доносится мне в спину, и я выпрямляюсь, как натянутая струна.

— Он мой брат.

— Знаю, Персик, — сжимаю зубы до скрежета — так мне ненавистно это детское прозвище. С ним связано непрости-тельно много воспоминаний.

Разворачиваюсь и смотрю на Макса. В вещах брата он выглядит не так уж плохо, да и размерчик ему подходит.

— Ты долго собрался у меня гостить?

— Ну... пока вещи не высохнут, — вальяжно пожимает плечами Рудских и уходит в кухню.

Я остаюсь в ступоре и тихо рычу, когда до меня доносится тихий стук стиральной машинки. Мне ничего больше не остается, как последовать за ним, ведь оставлять его одного в любом уголке своей квартиры я не намерена. Он может пробраться куда угодно, уснуть в моей спальне, а это я терпеть не собираюсь.

Часы показывают девять, а это значит, что ночь будет фантастическая.

Седьмая глава

Лето 2017 года

— Я не плаваю, — Карина с уже уставшим видом повторяет эту фразу каждому, кто спрашивает ее, какого черта она делает сейчас на берегу, а не в воде. Вода, кстати, кристально чистая и теплая, идеальная, чтобы не вылезать из нее часами, чем я и занимаюсь. Находиться на пляже в окружении друзей Матвея мне не хочется. Они шутят, смеются и большинство из них пьет безалкогольное пиво, кроме Паши, тот выбросил уже вторую банку балтики. У него опять какие-то любовные переживания, о которых сам Ищенко предпочитает не рассказывать никому. Он красивый, чем-то похож на Шаламе, — скорее всего, взглядом и легкими кудрями. Но мне такие парни не нравятся. Как оказалось, я тащусь по голубоглазым блондинам, которым на меня глубоко фиолетово.

Матвей не очень хотел, чтобы я ехала с ними, но Карина настояла. Мои подруги разъехались, кто-то к родственникам, кто-то на море, а я осталась дома. И находиться в окружении мамы и ее любви к кустовым розам я устала. Поэтому мы с Кариной на днях прошлись по магазинам, выбрали мне купальник и цветочный ободок. С берега до меня доносится один из хитов Элджея, а я все плаваю и плаваю, делая небольшие перерывы. Обычно во время них я сижу рядом с Кариной, пью прохладную воду и ем арбуз, предусматри-

тельно порезанный кубиками.

Я редко осматриваюсь по сторонам, в основном болтаю только с девушкой брата, потому что с другими знакома плохо, да и на разговоры не настроена. Хотя, возможно, причина кроется в том, что все ребята тут старше меня и я для них простая малолетка с припиской «сестра Лисина». Не так далеко от нас сидит сестра Карины, Марина, со своей подругой и Максимом. За те дни, которые у меня получалось игнорировать сам факт его существования, я даже забыла, что он встречается с Катей Бубликовой. С Бубликом. С этим рыжим исчадием ада!

Ну, как встречается. Я видела их несколько раз, сама Катя-ка часто выставляет в интернет их совместные фото, но Макс этого не делает. Он вообще, что удивительно, не попадается мне на глаза. Только в те редкие моменты, когда находится у нас дома с компанией Матвея.

— Сыграем в правду или действие? Чур дети не играют!
— кричит один из друзей Матвея и горлышком бутылки показывает на меня.

Я лишь тихо фыркаю. Больно надо играть в их глупые игры!

— Я тоже не играю, — соскакивает Карина и усаживается удобнее на одеяле. — Лучше посмотрю, как будете играть вы. Это намного интереснее.

— Не боишься, что кто-то захочет поцеловать твоего лисенка, а? — хихикает один из ребят.

— Я не буду против, если этого захочешь ты, — парирует Карина, и все смеются, включая моего брата. Только этот парень хмурится. Видимо, шутка ему не понравилась.

Все подсаживаются ближе, я же решаю уйти и еще немного поплавать. Воду я чувствую хорошо, и волноваться брату обо мне не стоит, но он все равно время от времени поглядывает на меня. Отплываю немного в сторону и слышу голос того самого друга, делаю вид, что увлеченно рассматриваю морскую гладь, а сама прислушиваюсь.

— Бублик, правда или действие?

Слышу женский смех, а после кроткий ответ. Его почти не слышать, потому что Катя всегда говорит тихо, что-то бубнит себе под нос и только смеется звонко и противно.

— У вас с Максом все серьезно или так, как ты любишь? Кратковременный курортный роман? — звучит голос Ищенко. — Шуры-муры на один раз или что-то для многоразового пользования?

— Эй, притормози. Тут мелкая, — одергивает кто-то его.

— Она далеко и ничего не слышит! Ну, так что, Бублик? — напирает он.

Мне приходится напрячься, чтобы постараться хоть что-то слышать. Услышанных слов — «серьезно», «люблю», «мой» — хватает, чтобы расплакаться. Слезы подступают сами по себе, я даже не чувствую, как начинаю плакать. Опускаюсь в воду с головой, тем самым намочив свой новенький ободок. Он крепко держится на волосах и не слетает.

Выхожу из речки, когда мышцы устают слишком сильно. Мне стоит немалых усилий дойти до одеяла, завернуться в полотенце и сидеть рядом с Кариной так, словно эта игра никак меня не задевает. Краем глаза я вижу, как ребята дурачатся. Кто-то кого-то бросает в воду, другие просто бегают по пляжу и кричат друг на друга, смеются, но Бублик все так же сидит рядом с Максом. Моим Максимом. Обнимет его, хихикает с шуток и постоянно его касается, словно он ее вещь.

— Поешь, Алин, — Карина придвигает ко мне ближе переносную сумку-холодильник и достает из нее парочку бутербродов и банку газировки. — Скоро поедем домой. Заплетешь мне косички, как ты умеешь?

— Хорошо, — киваю. Может, они все и считают меня маленькой, но я все вижу. Особенно то, как Макс лапает Катю, как смеется Марина рядом с каким-то парнем, одним из друзей Матвея, и как Карина пытается меня отвлечь от всего этого. Ребята не делают ничего особенного, не целуются у меня на глазах, ведут себя относительно прилично, но я чувствую себя тут лишней. Если бы только знала, что тут будет Максим, никогда бы не согласилась поехать.

Но проблема в другом — я ехала сюда с четкой мыслью, чтобы увидеть его. Чтобы он понял, что я уже не та маленькая девочка, что я выросла и уже не нужно бегать от меня, как от огня. Но, видимо, прошедшего года мало, чтобы Рудских обратил на меня внимание. Или я просто не та, кто ему

нужна.

Домой, как и обещала Карина, мы собираемся минут через тридцать. К этому моменту я высыхаю, накидываю на себя тунику, мышцы болят так и не перестали. Несмотря на это, помогаю Карине убрать вещи, прощаюсь с теми, кто остается на пляже, и плетусь за братом к его машине. Мы уезжаем первыми: рано утром Матвеем нужно уезжать в город, он обещал отцу помочь с одним делом.

По дороге заезжаем в магазин, в машине на парковке я надеваю сарафан и решаю остаться в машине. Знаю, что мое вишневое мороженое купят и без моего участия. Брат с Кариной возвращаются минут через десять с двумя пакетами продуктов, о чем-то оживленно спорят и не прекращают даже тогда, когда оказываются в машине. Матвей загружает пакеты в багажник, мне передает мое мороженое, Карина свое с шоколадной крошкой уже распаковала.

— Я уже посмотрела варианты. Это не так далеко, и можно хорошо провести время. Алинку возьмем! Ну же, всего неделька, Лисенок, — я знаю, как брату нравится это прозвище и, когда Карина называет Матвея так, он точно не может ей отказать.

— Только не говори мне, что ты уже все забронировала?

— Ну, не прям все, но первый платеж внесла, — пожимает плечами Карина и коварно мне улыбается, пусть я и понятия не имею, о чем они говорят.

— Ты сумасшедшая!

— Знаю, — хихикает она и после поворачивается ко мне.

— Мы на недельку отправляемся в горы. Доедем туда на машине, будем жить в небольшой хижине среди деревьев, жарить мясо на костре, плавать в горной речке...

— Ты не умеешь плавать, — поправляет ее Матвей.

— Это уже неважно. Поедешь с нами? — Карина обращается ко мне.

— Я? А я не буду вам мешать? — если они думают, что я не понимаю ничего, то ошибаются. Наверняка, хотели бы побыть вдвоем, а тут прицепляюсь я, младшая сестра, которой тоже как-то нужно уделять внимание.

— Глупости! — отмахивается от моих слов Карина и улыбается шире. — Едем на следующей неделе.

Оставшуюся часть дороги до дома эти двое обсуждают поездку и то, как Карине удалось все запланировать за спиной у Матвея, ведь они почти всегда рядом. Сама мысленно прикидываю, что взять в небольшое путешествие, решаю ограничиться минимумом вещей и обязательно взять фотоаппарат, который не так давно подарили родители, чтобы надевать кучу фоток!

Карина остается у нас на ужин, помогает маме накрыть на стол. После ужина мы с Кариной уходим в мою комнату, я достаю сумку с аксессуарами для волос и устраиваюсь удобнее. Аккуратно расчесываю волосы Кравцовой, разделяю прядки и неторопливо начинаю ее заплетать, пока фоном играет хит Два Липы.

— Алин, ты не думала как-то развиваться в этом? — Карина сидит на стуле перед широким зеркалом и ловит в нем мой растерянный взгляд. — Прическами, волосами? У тебя отлично получается.

— Вряд ли это понравится моему папе, — бросаю взгляд на дверь и затягиваю пряди потуже. — Ему мало того, что уже один из его детей поступил в юридический. Хочет, чтобы я пошла по его стопам, как и Матвей.

— А чего хочешь ты? — спрашивает она, но я молчу. Не получается так быстро сформулировать правильный ответ.

Я хочу заниматься волосами: красить, стричь и заплетать. Чтобы люди улыбались после встречи со мной, оставались довольными и счастливыми. Открыть в будущем свой небольшой салон, полностью отдаваться любимому делу.

— Алин, тебе нравится Максим? — пальцы путаются в волосах, и я делаю ошибку, переплетаю ненужные пряди и приходится немного распустить волосы, чтобы начать заново. — Прости, если лезу не в свое дело, но мне показалось, что тебе нужно поговорить об этом с кем-то, кто не осудит и подскажет. Не думаю, что Матвей подойдет для такого личного разговора.

— Ну уж нет, с ним я не буду об этом говорить.

Сжимаю губы и неосознанно тяну за прядь сильнее желаемого, вижу, что Карине неприятно, но она молчит.

— Прости, — бросаю быстро и тянусь к резинке, чтобы все завязать. Я почти закончила, остается еще одна косичка.

Боюсь поднять взгляд и посмотреть на Карину, потому что она ждет. Она не позволит мне соскочить со второго вопроса подряд. Слишком упертая для такого.

— Он старше тебя, всего четыре года, но сейчас эта разница очень заметна. Знаешь, когда тебе восемнадцать, а ему двадцать два, то мнение общественности тебя совершенно не волнует, но когда тебе тринадцать, а ему семнадцать, то тут могут возникнуть вопросы. К нему, а не к тебе.

— Мне почти пятнадцать, — тихо ворчу, а Карина улыбается. Так, будто в этой простой фразе она и нашла тот ответ, который искала.

— Но ты все еще маленькая для него, и он боится все испортить, я уверена. Он наверняка хочет, чтобы ты обратила внимание на сверстников, гуляла, веселилась и не думала о нем. Тебе тринадцать, у тебя все еще впереди.

— Даже если я люблю только его?

— Даже если так, Алин. Если это твое, то оно от тебя никуда не денется, обещаю.

И я ей верю.

Когда с косичками покончено, Карина меня обнимает. Так крепко, что я едва могу дышать. Целует в макушку и нехотя отпускает, когда в дверь стучит Матвей и говорит, что пора ехать. Он сейчас отвезет Карину к ней домой, а потом вернется. Такое мы уже проходили много раз. Брат по возвращении сварит какао, и мы вместе будем смотреть какое-нибудь музыкальное шоу.

— Не грусти и думай о предстоящей поездке, — улыбается мне Карина и уходит.

Оставшись в комнате одна, я долго размышляю над ее словами. Одновременно с этим обновляю плейлист, который буду слушать в дороге. Отвечаю на сообщения подружек, прекрасно проводящих время, оставив меня тут совсем одну. Пока не знаю, что возьму в импровизированное путешествие из вещей, но купальник и ободок, который чудом пережил сегодняшний день, точно поедут со мной. Уже решаю все выключить и пойти в душ, как вижу уведомление. Сердце учащается, в ушах слегка свистит, когда я внимательно вчитываюсь в текст: «Максим Рудских принял вашу заявку в друзья».

Я добавлялась к нему несколько раз, после психовала и все отменяла. А сейчас перечитываю одну строчку снова и снова и глупо улыбаюсь. Хочется завизжать, закричать — так сильно я рада, но лишь закрываю губы ладонью, чтобы не перепугать родителей.

Он меня заметил.

Он, черт возьми, меня заметил.

Восьмая глава

Наше время

— Я смотрю, твои предпочтения не изменились. Мило, — уже второй раз за день кто-то, кроме меня, достает из моего холодильника упаковку сока. Только Матвей пользовался стаканом, Макс же бесцеремонно пьет из горлышка. — Уже и забыл, как обожаю вишневый сок.

— Ты его никогда не любил, — морщусь и подхожу к нему, чтобы забрать сок и вернуть его на полку холодильника. Стоит мне это сделать, как Макс берет связку яблок, хватая нектарины и тянется за йогуртом. — Что ты делаешь?

— Хочу приготовить салат! Фруктовый. На тебя готовить?

— Это мои продукты, — хлопаю дверцей холодильника и руки складываю на груди.

— Сочту это за положительный ответ.

И он начинает готовить. Перебивает фрукты, выкладывает все на столешницу и нарезает кубиками, используя деревянную доску. Находит пару небольших мисок, куда складывает все. Но в одну немного больше: я так понимаю, эту тарелку он заберет себе. Сама же я забираюсь на барный стул и с любопытством поглядываю на мужчину, хозяйничающего на моей кухне. Руки чешутся: так сильно мне хочется взять телефон и запечатлеть этот момент, но что-то меня останавливает. Наверное, то, что это не мой мужчина и хранить ви-

део с ним мне ни к чему. Только буду себе душу травить после.

— Идеально! Персиковый йогурт сюда подойдет просто идеально! — едва не мурлычет, разливая напиток по тарелкам. Находит чайные ложечки и передает мне одну вместе с тарелкой. — Приятного аппетита, Персик.

— Спасибо, — щеки заливаются румянцем. Так происходит практически всегда, когда рядом находится Максим. Он садится напротив, не старается осмотреться в моей квартире, лишь ест, глядя на меня. — Вышло вкусно. Научился готовить?

— Базовые настройки у меня неплохие.

— Круто.

Больше ничего не говорю. Наш ужин сопровождается размеренными жужжаниями кондиционера и стиральной машинки, которая, судя по всему, закончит стирку не раньше, чем через полчаса. И чем заниматься с Максом все это время, я понятия не имею.

Сама вымываю посуду, чувствую себя немного неудобно, ведь знаю, что он смотрит. Была бы возможность, убежала бы и переделалась в растянутый свитер и спортивные штаны. Или накинула бы на себя пододеяльник. Что угодно, чтобы спрятаться от его взгляда. Но когда я оборачиваюсь, чтобы попросить Макса не пялиться на меня, то нахожу пустой стул. Рудских уже сидит в гостиной на диване с пультом в руках, и экран телевизора загорается.

Подхожу и останавливаюсь позади него. Вижу, как он листает каналы и включает тот, где идет показ первой части «Ледникового периода». Хлопает по дивану рядом с собой и, когда я не реагирую, оборачивается и смотрит на меня.

— Я тебе не кошка, чтобы по хлопку прибегать, — язвительно замечаю я.

— Садись, Персик. Посмотрим мультик, — улыбается Макс, и я сдаюсь.

Обхожу диван и сажусь рядом, но на небольшом расстоянии от него. Откидываюсь на спинку, закидываю ногу на ногу и внимательно смотрю мультик, понятия не имея, что задумал Макс. Но он точно что-то задумал, я это чувствую.

Не знаю, как объяснить, но я всегда могла предугадать его действия. Всякий раз, когда он собирался меня поцеловать, я знала это заранее. Всего за несколько секунд, но мне было этого достаточно, чтобы подготовиться и убедиться в том, что я сама тоже этого хочу.

А сейчас... я слишком давно его не видела, чтобы как-то предугадать дальнейшие действия. Наша связь с ним потерялась, но окончательно не оборвалась.

Постепенно меня начинает клонить в сон, несколько раз зеваю и не понимаю, как моя голова оказывается на бедрах Макса. Он заботливо накидывает мне на плечи плед. Кладу свою руку на его колено, постепенно расслабляюсь, веки тяжелеют, и в какой-то момент глаза больше не открываются, чтобы увидеть новый кадр мультика. За этот день я чертов-

ски устала, мой эмоциональный фон пуст.

Чувствую, как Макс меня медленно гладит по плечам, от чего крепко засыпаю и абсолютно ни на что не реагирую. Хотя уверена, что улыбаюсь. Точно вам говорю!

Мне успеваешь присниться сон до того, как резкой звон меня будит. Во сне я вижу Макса, он так же готовит, как сегодня. Разливает нам чай по чашкам, нарезает хлеб тонкими ломтиками и заботливо раскладывает овощи на бутербродах. А я сижу в это время на стуле и болтаю ногами, рассматриваю *своего* мужчину и получаю поцелуй. Вполне настоящий. Я его точно почувствовала. Нежный, ласковый и многообещающий.

Но все это так и осталось во сне. Реальность была намного жёстче. В комнате темно, и во всей квартире стоит абсолютная тишина, если не брать во внимание мой разрывающийся мобильник.

— Макс?! — зову, но уже знаю, что ответа не получу. Он ушел. На кресле лежат аккуратно сложенные вещи брата.

Становится так обидно и одиноко, в груди неприятно ноет, а глаза щиплет. А я ведь, дурочка, надеялась, что что-то у нас получится. Что сегодня мы встретились не случайно. Дурочка, наивная и глупая!

Приказывая себе не плакать, поднимаюсь с дивана и нахожу телефон. Отвечаю на звонок, даже не посмотрев на имя того, кто звонит.

— Да! — говорю намного резче, чем планировала.

— Ой, Алинка, ты чего? — вздыхаю и устало потираю глаза. — Я не вовремя позвонила?

— Все хорошо, Маш. Ты что-то хотела?

— Да! Помнишь, мы говорили о поездке? Так ты подумала? Давай, соглашайся, пожалуйста. Фил уже требует ответ, а я не хочу никуда ехать без тебя. Ну, пожалуйста. Очень-очень тебя прошу!

Взгляд цепляется за оставленные вещи на кресле. Качаю головой и озвучиваю ответ, который и так вертелся на кончике языка.

— Хорошо, я поеду!

— Обожаю тебя! Мы заедем за тобой в пятницу в восемь.

— Вечера?

— Утра, конечно же, — смеется подруга и вешает трубку.

Прикидываю в уме и понимаю, что на пятницу, как и на выходные, планов у меня нет. Уже хорошо. Вряд ли я пожалею о своем решении. Я точно хочу выбросить из головы Макса и уверена, что у меня получится это сделать. Закручу романчик с каким-то другом Филиппа, наверняка у него таких куча. Может, из этого что-то и получится. А Максима Рудских, как говорила красотка Эльза, надо отпустить и забыть.

Сбрасываю вызов и ухожу в спальню, чтобы доспать уже в своей кровати. Но уснуть не получается. Может, всему виной отвратительное настроение, а может, причина в том, что часы показывают семь утра и ложиться спать сейчас — насто-

ящее преступление. Но планов у меня на сегодня нет, только пару клиентов встретить вечером, и все. Так что ставлю себе на сегодня программу максимум — любимые комедии, сладкий попкорн и вишневое мороженое. Готова лопнуть от лакомств, но хоть как-то попытаюсь заполнить пустоту внутри, заглушить обиду и разочарование в одном конкретном человеке.

Девятая глава

Лето 2017 года

Пару недель назад вернулись мои школьные подруги, поэтому нахождение в Прохоровке стало не таким напряженным, как в прошлые дни. Теперь избегать присутствия Макса стало проще. Мне не нужно прятаться или не ходить в те места, где часто бывает он, а нужно просто продолжать жить.

По вечерам я гуляю в компании подружек, Алочки и Ксюши. С Ксюшей мы подружились во втором классе, когда она переехала к нам с родителями из Ставрополя. Общий язык мы нашли сразу и сошлись на том, что розовый блеск для губ — лучшее, что придумало человечество. Пару лет назад в нашу школу перевелась Алла. У нее произошла какая-то семейная драма, из-за которой она была вынуждена уехать из города с отцом и поселиться в Прохоровке. Ее папа работает в школе, преподает химию и сейчас является самым молодым учителем в школе. Да еще и самым симпатичным. Многие девчонки засматриваются на него, строят глазки и удивляются, как у него может быть такая взрослая дочь!

— Вам не кажется, что леопардовый принт немного... как бы помягче сказать, дешевый? — Ксюша усаживается на одну из скамеек, поднимает солнцезащитные очки на макушку и осматривает нас с Аллой взглядом, не терпящим возражения. Пару минут назад мимо нас прошла девушка в леопар-

довых лосинах, и ни одной из подруг это не понравилось.

— Это выглядит смело, — пожимаю плечами, и Ксюша недовольно кривит лицо. — Что? Я бы такое точно не надела, но это не значит, что это выглядит отвратительно. Напротив, не каждая девушка может надеть такое.

— Напомни, почему мы все еще дружим? — Ксюша закидывает одну ногу на вторую и тихо цокает. Я знаю, что она шутит. Потому что мы дружим не первый год и вряд ли когда-то наступит день, когда мы больше не увидимся.

— Ладно, девочки. Не будем об этом. Вы лучше расскажите, как прошло лето? Скоро опять в школу, а я жуть как туда не хочу. Опять эти уроки, домашка... зачем она вообще нужна?

— Вы уже купили себе новую одежду в школу? — Ксюшу, как в принципе и всегда, интересуется только одежда и всякие новомодные штучки. Мы с Аллой отрицательно качаем головой. Планировала с мамой и Кариной поехать на следующих выходных в город, прогуляться по магазинам. Но пока подругам об этом не говорю. — А я уже почти все купила! Такие туфли отхватила, закачаешься! Там такой каблук!

Она большим и указательным пальцами показывает нам расстояние сантиметров в десять!

— Ты как на них ходить собралась? — удивляется Аллочка.

— Ногами. Я примерила их. Удобные, красивые. Что еще мне нужно?

— Ну, я себе что-то попроще брать буду. Балетки или бо-соножки какие-то. Не хочу каблуки.

— Вы ж видели мои ножки, — Ксюша вытягивает одну ногу и приподнимает ее немного вверх. — Девки, ну как такую красоту можно раскрыть балетками, а? Минимум шпилька сантиметров девять!

— Навернешься ты, Ксюха.

— Сплюнь, дурында.

Я их перепалку уже не слушаю. Взгляд выхватывает неподалеку знакомую макушку. Это Максим, а рядом с ним идет Бублик. Замечаю, что они не держатся за руки и девушка что-то, активно жестикулируя, рассказывает Максиму. Он в мою сторону не смотрит, и я могу хорошенько на него пялиться. Пока подруги их не заметили. С нашей последней встречи там, на речке, в окружении брата и его друзей мы больше не виделись. Я ему не писала, хотя, каюсь, порой открывала диалоговое окно и быстро набирала простое «привет», но всякий раз удаляла. Это лишнее. Мне нужно его отпустить, перестать мечтать о парне старше меня и обратить внимание на сверстников. Прислушаться к словам Карины, потому что она точно никогда бы не посоветовала мне чушь.

— ... а ты как считаешь, Алин?

— А?

— Я говорю, что ты брать будешь — балетки или каблук?

— Балетки, наверное. Или кроссовки. Что-то удобное.

— Еще одна бедовая. Боже, девочки, как я вообще с вами

дружу? — хнычет Ксюша и закатывает глаза.

Я отвлекаюсь на подруг и, когда пытаюсь снова увидеть Макса, то не нахожу. Они ушли. Или зашли в кафе неподалеку, где я тоже их увидеть не смогу. В любом случае, это даже хорошо. Чем меньше я его вижу, тем быстрее забуду, и моя влюбленность исчезнет. Наверное.

— Я хочу квас. Вам взять? — Аллочка поднимается на ноги, машет перед нами купюрой и довольно улыбается. — Мама прислала деньги, папа сказал, что я могу потратить их так, как считаю нужным.

— Ой, нет, лучше мороженое, — ноет Ксю.

Мне же сейчас все равно, что есть, главное, чтобы было холодное. Может быть, хоть так получится унять жар во всем теле и избавиться от красных щек.

— А тебе?

— Вишневый фруктовый лед, — тихо бормочу и мысленно делаю пометку к следующему лету купить себе солнцезащитные очки.

Пару часов назад мы приехали из города. Купили мне кучу всего в школу, начиная с красивых черных босоножек на небольшом каблучке и заканчивая ярко-розовой ручкой с помпоном. Это была очень импульсивная покупка, о которой я ни капельки не жалею. Пакеты забиты тетрадками, канцелярией и разной мелочью. Достаяю со дна нежно-фиолетовый блокнот и, открыв его на первой странице, удобнее

устраиваюсь на кровати. Аккуратно вывожу в правом верхнем углу свое имя, а после начинаю запись...

На днях увидела в одном фильме, как главная героиня вела личный дневник. И мне показался интересным сам факт того, что то, о чем я думаю, будет написано на бумаге. Это будут уже живые мысли, от которых так просто нельзя будет отказаться.

Август, 2017

Дорогой дневник,

Это моя первая запись. До сегодняшнего дня я и представить не могла, что когда-то буду писать все, о чем думаю. Возможно, я не исключаю такой вероятности, что это будет первая и последняя запись в моем дневнике. Но я хотя бы попыталась, верно? Папа всегда говорит, что лучше что-то сделать и пожалеть об этом, чем не сделать и жалеть о том, что профукал возможность!

Я не буду представляться и говорить, сколько мне лет. Это лишнее, правда? Ты ведь мой дневник и так все знаешь. Так что начну с основного, важного!

Я не хочу в школу, хотя накупила сегодня много крутых вещей, включая босоножки, которые, обещаю, буду носить каждый день, белые кроссовки, школьное платье, пару блузок и несколько бантов — есть бордовые, темно-зеленые, синие и белые. Мама настаивала, чтобы я купила именно белые, но Карина убедила ее взять все.

#обожаяКарину!

Не знаю, зачем так много всего купила. Вряд ли мне хватит всего школьного года, чтобы покрасоваться в каждом наряде. Потому что мне не для кого красоваться. Вряд ли тот, кого я хочу удивлять, меня увидит. Хоть в чем-то. А ведь босоножки я купила для него. Для того, чье имя нельзя называть даже на твоих страницах, дорогой дневник. Потому что всегда есть вероятность, что мой горячо любимый брат найдет тебя, прочтет и тогда узнает, что я влюблена ~~в парня на несколько лет старше себя~~. А это знать никому нельзя. Была б моя воля, я бы сама все забыла. Он меня не любит, я уверена, что никогда не посмотрит на меня тем самым влюбленным взглядом. Я слишком маленькая для него. Мелкая!

Четыре года...

— Алин? — слышу голос мамы и быстро закрываю блокнот, прячу его под подушку и руки убираю от нее в тот самый момент, когда дверь открывается. — Ты чего не отзываешься? Идем кушать. Ужин стынет.

— Уже бегу, — киваю, улыбаюсь маме и тихо выдыхаю, когда понимаю, что она ничего не заметила. Лишь бросила взгляд на пакеты с канцелярией у стола, которую я так и не разобрала. Сделаю это по традиции перед самой школой. А сейчас еще оттяну неизбежное и побуду просто подростком на каникулах.

Поднимаюсь, поправляю постель и собираюсь выйти из комнаты, как слышу трель телефона. Легкий писк, опове-

щающий о новом сообщении или уведомлении. Беру в руки телефон, снимаю блокировку и замираю. Потому что вижу от него сообщение. Один неприметный улыбающийся смайлик, но из-за него я сейчас улыбаюсь так, что болят щеки. Не знаю, что ответить на него, потому открываю диалог и еще несколько минут просто смотрю на экран. Быстро набираю ответ, удаляю и набираю снова. В итоге отправляю лишь вопросительный знак и, спрятав телефон под подушку, выегаю из комнаты. Я чувствую, как горят щеки, подрагивают кончики пальцев. Еще никогда в жизни я не нервничала, как сейчас. И все из-за одного смайлика, который, теперь я думаю об этом, он мог отправить случайно.

Даже за ужином, пока слушаю препирания брата и папы, не могу перестать задаваться вопросом: написал мне еще что-то Макс или сделал вид, что это какой-то сбой приложения, и он ничего не отправлял?

— У тебя все в порядке, Алин? — слышу папин голос и поднимаю голову, сталкиваюсь с его взглядом и пытаюсь понять, что могла такого пропустить.

— Да. Все отлично. Просто устала. Вымоталась в дороге.

— Все купила?

— Ага, кажется, даже немного переборщила.

— Ничего. Ни в чем себе не отказывай, — подмигивает папа. — Покажешь потом, что там прикупила себе. Как в старые добрые.

Брат тихо смеется, мама улыбается, да и я сама не могу

устоять. Потому что перед глазами сразу вспыхивают воспоминания, как я устраивала раньше целый показ из своих обновок. Выкладывала все аккуратно на кровати, переодевалась и показывала родителям образы. Такая традиция складывалась у нас с самого первого класса, если не с детского садика, и каждый год папа стоически все терпел и смотрел, нахваливал мой вкус, обсыпал комплиментами. Матвей всегда сидел рядом, даже порой фотографировал что-то на память. А сейчас мне почти четырнадцать и мне кажется, что первый класс и зарождение традиции были слишком давно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.